1913 г. ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. № 2.

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ

A. ADLER (ВѢНА), Ф. М. АЗНАУРОВЪ (ЖЕНЕВА), М. М. АСАТІАНИ (МОСКВА), А. Н. БЕРНШТЕЙНЪ, (МОСКВА), І. А. БИРШТЕЙНЪ (ОДЕССА), E. WEXBERG (ВѢНА), Ю. В. КАННАБИХЪ (МОСКВА), O. KAUS (ВѢНА), В. Н. ЛИХНИЦКІЙ (ОДЕССА), Н. Е. ОСИПОВЪ (МОСКВА), STEIN (БУДАПЕШТЪ), W. STEKEL (ВѢНА), О. Б. ФЕЛЬЦМАНЪ (МОСКВА), FRISCHAUF (ВѢНА).

РЕДАКТОРЪ

Н. А. ВЫРУБОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Оригинальныя статьи.

S. Freud. Практическое примѣненіе снотолкованія въ психоанализѣ.

W. Stekel. Выборъ профессіи и преступность.

І. А. Бирштейнъ. Психологическій этюдъ къ вопросу объ алкоголизмѣ.

Ю. В. Каннабихъ. Замѣтка о «нормальномъ» и «ненормальномъ».

P. Schrecker. Кантъ объ отношеніяхъ половъ.

Обзоры.

Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse, I. Jahrg. H. 1. 1913. (Н. Вырубовъ).

Книга Альфреда Адлера о малоцѣнности органовъ. (Н. Вырубовъ).

Рецензіи.

В. Н. Лихницкій. Психотерапія и психоанализъ. (Н. Вырубовъ).

С. А. Сухановъ. Патологическіе характеры. (Н. Вырубовъ).

Georges Bohn. Die Entstehung des Denkvermögens. (М. Кобылинская).

Общества и съѣзды.

Alfr. Adler. Конгрессъ «Интернаціональнаго Союза медицинской психологіи и психотерапіи». Цюрихъ. 8 и 9 сентября 1912. (Окончаніе).

Хроника.

Объявленія.

БИБЛІОТЕКА «ПСИХОТЕРАПІИ»

подъ редакціей Н. А. Вырубова.

№ 1. Фрейдъ. Психологическіе этюды. Изданіе 2-ое. Ц. 35 к.

№ 2. Роледеръ. Основы сексуальной педагогики. Ц. 70 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Наука», Москва, Б. Никитская, 10.

НОВАЯ КНИГА

ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ.

СЕКСУАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ

Н. А. Вырубова.

Содержаніе: О сексуальной конституціи. Эротика и чувственность. Половое влеченіе какъ двигательная сила въ духовной жизни.

Вышли изъ печати: 1) Д-ръ Карлъ Абрагамъ. „Сонъ и мифъ". 2) Зигмундъ Фрейдъ. „Леонардо да Винчи". 3) Д-ръ Н. Котикъ. „Непосредств. передача мыслей". 2-ое доп. и испр. изд. Издательство „Современныя Проблемы". Москва, Садовники, 16.

Оригинальныя статьи.

I.

Практическое примѣненіе снотолкованія въ психоанализѣ.

S. Freud.

Вопросъ, котораго я хочу коснуться, не относится къ техникѣ снотолкованія. Не буду говорить какъ толковать сонъ и какъ оцѣнивать его значеніе, но только о томъ, какое можно сдѣлать примѣненіе искусству толкованія сновъ при психоаналитическомъ леченіи больныхъ. Можно подойти къ этому, конечно, различнымъ образомъ, но отвѣтъ на техническіе вопросы въ психоанализѣ никогда не можетъ разумѣться самъ собою. Если, быть можетъ, имѣется много хорошихъ путей, то есть много и плохихъ, и сравненіе различныхъ техническихъ пріемовъ можетъ только выяснять дѣло, если даже не поведетъ къ предпочтенію одного опредѣленнаго метода.

Кто переходитъ отъ толкованія сновъ къ аналитическому леченію, тотъ сосредоточиваетъ свой интересъ на содержаніи сновидѣній и пытается дать по возможности полное толкованіе каждому сну, который ему разсказываетъ больной. Но вскорѣ онъ замѣчаетъ, что, преслѣдуя свою задачу, онъ оказывается въ совершенно иныхъ условіяхъ и попадаетъ въ коллизію съ ближайшими задачами терапіи. Если первый сонъ паціента оказался чрезвычайно удобнымъ поводомъ для первыхъ наводящихъ разъясненій больному, то вскорѣ появятся сны, такіе длинные и такіе темные, что толкованіе ихъ не можетъ придти къ концу въ теченіе рабочаго часа одного дня. Если врачъ перенесетъ эту работу на слѣдующій день, ему сообщатъ въ это время еще новые сны, которые должны быть отодвинуты, пока первый не будетъ исчерпанъ. Кстати, продукція сновъ оказывается такой богатой, а успѣхи больного въ пониманіи ихъ такими медленными, что аналитикъ не можетъ освободиться отъ мысли, что такое перегруженіе матеріаломъ—не что иное, какъ выраженіе сопротивленія, которое исползовало наблюденіе, что лече-

ніе не можетъ овладѣть предлагаемымъ матеріаломъ. Между тѣмъ леченіе осталось далеко позади текущаго момента и потеряло контактъ съ актуальностью. Подобнаго рода техникѣ надо противопоставить правило, что для леченія больного имѣетъ огромное значеніе знаніе его наличнаго психическаго облика, оріентировка въ комплексахъ и сопротивленіяхъ, которые имъ въ данное время двигаютъ, и сознательной реакціи, которая при этомъ будетъ руководить его поведеніемъ. Эта терапевтическая цѣль никогда не должна оставаться въ пренебреженіи ради интереса къ снотолкованію.

Какую-же роль въ психоанализѣ можно отвести толкованію сновъ, если желательно имѣть въ виду это правило? Приблизительно, слѣдующую: можно удовлетворяться каждый разъ толкованіемъ, которое потребуетъ не болѣе часа, не считая особенной потерей, что не удалось вполнѣ ознакомиться съ содержаніемъ сновидѣнія. Въ слѣдующій день работа толкованія не обязательна и продолжается только тогда, когда замѣчено, что въ этотъ промежутокъ времени въ психикѣ больного ничто другое не выдвинулось на первый планъ. Нужно взять, такимъ образомъ, за правило: всегда приниматься за то, что у больного прежде всего на умѣ, не дѣлая исключенія для прерваннаго толкованія сна. Если появляются новыя сновидѣнія раньше, чѣмъ прежнія были доведены до конца, нужно перейти къ этимъ позднѣйшимъ продукціямъ, не упрекая себя въ небрежности къ предыдущимъ. Если сны становятся слишкомъ обширны и многорѣчивы, надо отказаться отъ ихъ полнаго выясненія. Необходимо вообще остерегаться обнаруживать особенный интересъ къ толкованію сновъ или вызывать у больного предположеніе, что работа остановится, если онъ не принесетъ никакихъ сновидѣній. Иначе, вы подвергаетесь опасности произвести отклоненіе сопротивленія на продукцію сновидѣній и вызвать ихъ исчезновеніе. Анализируемый долженъ быть воспитанъ въ убѣжденіи, что анализъ во всякомъ случаѣ найдетъ матеріалъ для своей работы, независимо отъ того, будутъ-ли сновидѣнія и въ какой мѣры будутъ ими заниматься.

Но меня спросятъ: не придется-ли отказаться отъ слишкомъ цѣннаго матеріала, вскрывающаго безсознательное, если мы будемъ заниматься толкованіемъ сновидѣній только при условіи такихъ методическихъ ограниченій? Я отвѣчу на это такъ: потеря будетъ не настолько велика, какъ это могло-бы казаться при недостаточномъ проникновеніи въ дѣло. Съ од-

ной стороны необходимо уяснить себѣ, что въ тяжелыхъ случаяхъ неврозовъ какая нибудь подробная продукція сновидѣнія, по всѣмъ даннымъ, принципіально не можетъ считаться вполнѣ разрѣшимой. Такое сновидѣніе часто строится на всей суммѣ патогеннаго матеріала этого случая, который еще не извѣстенъ ни врачу, ни паціенту (такъ наз. программные сны, біографическіе сны); оно случайно является переводомъ всего содержанія невроза на языкъ сновидѣній. При попыткѣ истолковать такой сонъ, приходятъ въ дѣйствіе всѣ наличные, еще незатронутые, механизмы сопротивленія и ставятъ границы обнаруженному намѣренію. Окончательное истолкованіе такого сна совпадаетъ какъ разъ съ окончаніемъ всего анализа. Если онъ былъ записанъ въ началѣ анализа, то понять его можно будетъ только въ концѣ, послѣ многихъ мѣсяцевъ. Происходитъ тоже самое, что и съ пониманіемъ отдѣльнаго симптома (хотя-бы главнаго симптома). Анализъ, во всемъ цѣломъ, служитъ къ уясненію послѣдняго; но при леченіи необходимо овладѣвать по очереди то одною, то другою частью симптомовъ, пока не получится возможность соединить всѣ эти части. И большаго нельзя требовать отъ случайнаго сна въ началѣ анализа; нужно быть довольнымъ, если удастся при попыткѣ его истолкованія извлечь хотя-бы единственное патогенное движущее желаніе.

Такимъ образомъ, отказываясь отъ намѣренія окончательнаго истолкованія сновидѣній, мы не теряемъ ничего достижимаго. Также ничего не теряется, если, отказываясь отъ толкованія прежняго сна, мы переходимъ къ позднѣйшему. На многихъ прекрасныхъ примѣрахъ вполнѣ разобранныхъ сновидѣній мы убѣдились, что многія слѣдующія одна за другою сцены сна могутъ имѣть одно и то-же содержаніе, проявляющееся въ нихъ съ возрастающей ясностью. Мы знаемъ также, что нѣсколько случайныхъ сновидѣній одной и той же ночи, представляютъ собою не что иное, какъ попытку передать различнымъ образомъ одно и то же содержаніе. Вообще, мы можемъ быть увѣрены, что каждое движущее желаніе, сегодня творящее сновидѣніе, возвратится снова въ другомъ сновидѣніи, пока не будетъ понято и лишено власти надъ безсознательнымъ. Поэтому, для исчерпывающаго истолкованія сновидѣнія, часто лучше всего оставить его и обратиться къ новому, которое даетъ тотъ же матеріалъ, но, быть можетъ, въ болѣе подходящей формѣ. Я знаю, что не только для анализируемаго, но и для врача тяжело

требованіе отказаться отъ сознательной постановки цѣли при леченіи и вполнѣ подчиниться направленію, которое для насъ всегда является «случайнымъ». Но я могу завѣрить, что вы будете вознаграждены всегда, если рѣшитесь подарить довѣріемъ собственныя теоретическія посылки и не будете оспаривать у безсознательнаго руководства въ возстановленіи общей связи явленій.

Я защищаю, такимъ образомъ, ту точку зрѣнія, что толкованіе сновъ при аналитическомъ леченіи не должно стать искусствомъ для искусства, но примѣненіе его должно подчиниться тѣмъ техническимъ правиламъ, которыя являются вообще руководящими при проведеніи курса леченія. Конечно, при случаѣ можно поступить и иначе и дать нѣкоторое мѣсто своему теоретическому интересу. Но при этомъ всегда надо знать, что дѣлаешь. Необходимо принять во вниманіе еще другое обстоятельство, возникающее въ тѣхъ случаяхъ, когда нашему знанію символики сновидѣній мы оказываемъ большее довѣріе и освѣдомляемся о всѣхъ случайныхъ мысляхъ паціента. Особенно опытный снотолкователь, можетъ быть, будетъ въ состояніи переглядѣть каждое сновидѣніе паціента, не задерживая его кропотливой и медленной разработкой сна. Для такого аналитика отпадаютъ всѣ конфликты между требованіями снотолкованія и требованіями терапіи. Онъ будетъ себя чувствовать также каждый разъ достаточно опытнымъ для использованія толкованія и сообщенія паціенту того, что онъ открылъ въ его сновидѣніяхъ. Но этимъ онъ нарушаетъ методику леченія, которая этимъ не незначительно отклоняется отъ правилъ, какъ я покажу это на другомъ случаѣ. Начинающему психоаналитическую практику во всякомъ случаѣ нельзя посовѣтовать слѣдовать такому необыкновенному примѣру.

Относительно самыхъ первыхъ сновидѣній, сообщаемыхъ паціентами при аналитическомъ леченіи, каждый аналитикъ, пока онъ самъ не изучилъ технику перевода языка сновъ, держитъ себя, какъ и каждый изъ насъ, признанныхъ, извѣстныхъ снотолкователей. Эти первоначальныя сновидѣнія, такъ сказать, наивны; они очень многое открываютъ слушателю, подобно снамъ, такъ называемыхъ, здоровыхъ людей. И вотъ возникаетъ вопросъ: долженъ-ли врачъ сейчасъ же переводить паціенту все, что онъ вычиталъ въ сновидѣніи? На этотъ вопросъ здѣсь, конечно, нельзя отвѣтить, такъ какъ онъ явно подчиненъ общему вопросу—въ какіе моменты ле-

ченія и въ какомъ темпѣ больной долженъ вводиться врачемъ въ кругъ пониманія того, что скрыто въ его душѣ. И тогда, чѣмъ больше пацiентъ знакомится съ практическимъ приложеніемъ снотолкованія, тѣмъ темнѣе обыкновенно становятся его позднѣйшія сновидѣнія.

Въ «научныхъ» работахъ о сновидѣніяхъ, которыя, несмотря на непринятіе снотолкованія, получили новый импульсъ благодаря психотерапіи, мы всегда встрѣчаемъ чрезмѣрную заботливость, сосредоточенную на полученіи точнаго текста сновидѣнія; онъ долженъ, какъ говорятъ, оберегаться отъ искаженій и изъяновъ въ ближайшіе дневные часы. Нѣкоторые психоаналитики примѣняютъ, повидимому, не достаточно послѣдовательно свою точку зрѣнія на условія снотолкованія, когда рекомендуютъ больному записывать каждый сонъ непосредственно послѣ пробужденія. Этотъ пріемъ для терапіи не нуженъ; больные охотно записываютъ и мѣшаютъ себѣ этимъ спать и вносятъ въ это большое одушевленіе, которое не можетъ имъ принести пользы. Если мы, такимъ способомъ, тщательно сохранили текстъ сна, который иначе канулъ-бы въ лету, то мы легко можемъ убѣдиться, что больной отъ этого ничего не выигралъ. Къ тексту не приставлено случайныхъ мыслей и аффектъ остался тотъ-же самый, какъ будто сновидѣніе не было сохранено. Врачъ съ одной стороны кое-что узналъ, что съ другой—ускользнуло отъ него. Но далеко не то же самое, знаетъ ли это врачъ или пацiентъ; значеніе этого различія для техники психоанализа должно быть нами при случаѣ оцѣнено.

Я хочу, наконецъ, упомянуть объ одномъ особомъ типѣ сновидѣній, которыя могутъ появляться только при психоаналитическомъ леченіи и которыя могутъ ввести въ заблужденіе начинающаго. Это, такъ называемыя, отстающія или подтверждающія сновидѣнія, легко поддающіяся толкованію и, какъ переводъ, передающія только выводы послѣднихъ дней леченія изъ матеріала дневныхъ случайныхъ мыслей. Это имѣетъ видъ, что пацiентъ имѣлъ любезность увидѣть во снѣ какъ разъ то, что ему было непосредственно передъ этимъ «внушено». Болѣе опытный аналитикъ, конечно, затруднится приписать своему пацiенту такую любезность; онъ понимаетъ такой сонъ, какъ желанное подтвержденіе, и констатируетъ, что это наблюдается только при извѣстныхъ условіяхъ внушенія черезъ леченіе. Гораздо большее число сновидѣній забѣгаетъ леченію впередъ и обнаруживаетъ, не счи-

тая того, что всѣмъ понятно и знакомо, болѣе или менѣе ясныя указанія на то, что до сихъ поръ было скрыто. [1])

Выборъ профессіи и преступность.

W. Stekel.

Относительно значенія психоанализа мнѣнія расходятся. Но даже противники признаютъ слѣдующее: продолжительное, интимное наблюденіе душевной жизни человѣка даетъ изслѣдователю возможность видѣть то, что до сихъ поръ было сокрыто. Съ изумленіемъ знакомятся съ скрытымъ внутреннимъ міромъ; разверзаются душевныя бездны, пугливо и робко укрытыя отъ всякаго посторонняго, и даже отъ самого себя. Нельзя представить, насколько вообще недовѣрчивы и осторожны больные. Только послѣ нѣсколькихъ недѣль разговора и при завоеванномъ довѣріи, они начинаютъ разсказывать о своихъ тайныхъ страданіяхъ и боляхъ. Но иногда проходятъ мѣсяцы, пока самопознаніе и воспитаніе откровенности сдѣлаетъ настолько успѣхи, что позволитъ увидѣть всю основу невротической психики. Поэтому возникло столько скороспѣлыхъ сужденій объ участіи сексуальнаго въ возникновеніи неврозовъ. Больному нельзя вполнѣ вѣрить. Относительно сексуальнаго лгутъ почти всѣ люди.

Я хочу непосредственно перейти in medias res и сообщить свѣдѣнія, которыя я пріобрѣлъ долголѣтней и упорной психоаналитической работой. Это познаніе говоритъ: каждый невротикъ борется съ «вытѣсненными» преступными мыслями. Онъ—преступникъ, лишенный мужества совершить преступленіе. Freud'у мы обязаны выясненіемъ значенія вытѣсненной сексуальности. Онъ сдѣлалъ для насъ понятной сущность вытѣсненія и ввелъ понятіе безсознательнаго въ медицинскую психологію. Причину всѣхъ невротическихъ разстройствъ онъ видитъ въ сексуальной жизни. Онъ отличаетъ актуальные неврозы (неврастенію и неврозъ боязни) отъ психоневрозовъ (истерія, истерія боязни и неврозъ навязчивости). Въ то время какъ актуальные неврозы возникаютъ будто бы отъ неправильныхъ формъ сексуальной жизни (сильный онанизмъ, неудовлетворяемое возбужденіе, и т. п.); при психоневрозахъ—психогеннымъ моментомъ является механизмъ вытѣсненія [2]).

[1]) Zentralbl. f. Psychoanal. II. Jahrg. H. 3.

[2]) Такимъ образомъ, для меня отпадаютъ разграниченія между актуальнымъ неврозомъ и психоневрозомъ. Я знаю только психоневрозъ.

Мои воззрѣнія уклонялись отъ воззрѣній Freud'a по мѣрѣ того, какъ я на основаніи многолѣтнихъ изслѣдованій въ этой области приходилъ къ убѣжденію, что безъ участія психики вообще не можетъ быть никакого невроза, т. е. что всякій неврозъ есть душевная болѣзнь или, принимѣняя терминологію современной французской школы, всякая неврастенія является для меня психастеніей и всякая психастенія имѣетъ точкой отправленія душевный конфликтъ [1]). Этотъ душевный конфликтъ имѣетъ корни или въ сексуальномъ, или въ криминальномъ. Такъ какъ криминальное представляется мнѣ болѣе широкимъ понятіемъ, включающимъ все запретное и грѣховное, то я высказался бы за слѣдующую формулу: «невротикъ заболѣваетъ вслѣдствіе того, что его психическая энергія истощается въ борьбѣ между криминальнымъ и этическими задерживающими представленіями».

Это опредѣленіе для меня не ново. Я даю его не въ первый разъ. Уже въ брошюрѣ «Die Ursachen der Nervosität» [1]), появившейся въ 1907 г., я описывалъ случай боязни пространства, въ которомъ я открылъ, какъ причину заболѣванія, тайное желаніе совершить преступленіе. Дѣло шло объ одномъ кассирѣ, которому приходилось считать каждый день милліоны. Боязнь пространства явилась, какъ психическій эквивалентъ или, лучше сказать, какъ символическое выраженіе плана бѣгства въ Америку съ большой суммой денегъ. По моему совѣту, паціентъ оставилъ мѣсто кассира и перешелъ на должность бухгалтера. Съ этого дня всѣ представленія страха сразу исчезли [2]).

Я позволилъ бы себѣ сообщить здѣсь еще одно наблюденіе изъ прежнихъ лѣтъ. Одинъ чиновникъ заболѣваетъ сонливостью, неспособностью къ работѣ и тяжелой психической депрессіей. Онъ занимаетъ довольно отвѣтственное мѣсто, и не чувствуетъ себя болѣе подходящимъ для него. Поэтому его мучаетъ безпокойство, что онъ скоро потеряетъ это мѣсто; его жена и его единственный ребенокъ останутся безъ хлѣба и т. д. Онъ чувствуетъ себя не въ состояніи довести до конца дѣловое письмо, подсчитать столбецъ цифръ. Дома

---

[1]) Изд. P. Knepler. Wien.

[2]) У поэтовъ криминальное играетъ также большую роль, какъ я указывалъ въ моей книжкѣ «Dichtung und Neurose» (Grenzfragen des Nerven und Seelenlebens). 1909.

онъ уже нѣсколько недѣль не говоритъ ни слова, всегда не въ духѣ и ворчитъ про себя цѣлыми часами; онъ очень раздражителенъ, приходитъ безъ всякаго повода въ бѣшенство, доходитъ до нападеній на свою жену и тогда успокаивается, и плачетъ при этомъ также неудержимо, какъ и по другимъ самымъ ничтожнымъ поводамъ. Я не буду сообщать здѣсь всего хода психоанализа. Онъ продолжался недолго. Черезъ 14 дней я нашелъ основу болѣзни. Долголѣтнія занятія съ такими больными вырабатываютъ извѣстную технику провидѣнія, которая въ данномъ случаѣ не была особенно трудна. Больной обвѣнчался со своею женою (которая уже нѣсколько лѣтъ была его любовницей), когда она забеременѣла. Какъ честный человѣкъ, онъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать этотъ шагъ. Дѣвушка была бѣдная и не принесла при замужествѣ ничего, кромѣ долговъ на устройство и обстановку; онъ былъ честолюбивъ, вѣчно носился съ планомъ сдѣлаться самостоятельнымъ. Отъ всѣхъ этихъ плановъ онъ долженъ былъ отказаться. Сейчасъ же послѣ свадьбы у нихъ начались жестокія сцены, при которыхъ онъ доходилъ даже до нападеній на жену. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ страдаетъ тяжелой депрессіей, которая лишаетъ его работоспособности. На причину депрессіи меня навелъ одинъ стереотипный сонъ, повторявшійся нѣсколько разъ во время его болѣзни. Онъ постоянно видѣлъ во снѣ, что его жена и ребенокъ отравились свѣтильнымъ газомъ; во снѣ онъ забываетъ завернуть газовый кранъ. Онъ поднимается (во снѣ) и находитъ жену и ребенка безъ сознанія, хрипящими; онъ вскрикиваетъ и просыпается дѣйствительно, чувствуя сердцебіеніе и тяжелое чувство депрессіи. Не трудно было угадать, что криминальныя идеи этого господина шли къ тому, чтобы освободиться отъ жены при помощи отравленія газомъ. У нихъ въ квартирѣ нѣтъ никакого газа, но, какъ мнѣ разсказывала позже жена, онъ уже мѣсяцами носился съ мыслью провести газъ и обсуждалъ съ ней многократно всѣ «за и противъ». Мысль завоевать себѣ снова такимъ образомъ свободу была, очевидно, навязчивымъ представленіемъ. (Такія навязчивыя представленія часто пробиваются въ сознаніе черезъ сновидѣнія). Короче говоря, больной открыто признался мнѣ, какъ онъ думалъ, что со смертью жены и ребенка онъ сталъ бы свободнымъ человѣкомъ и могъ бы перемѣнить свое мѣсто, которымъ онъ былъ недоволенъ. Въ этомъ ему долженъ былъ помочь свѣтильный газъ, и когда я замѣтилъ ему, что, вѣ-

роятно, онъ таитъ въ себѣ такія криминальныя фантазіи, онъ мнѣ признался послѣ нѣкотораго колебанія, что онъ дѣйствительно занимался ими, даже сознательно, и очень энергично долженъ былъ противъ нихъ обороняться. Дальнѣйшія криминальныя фантазіи этого господина вели къ отравленію всей семьи. Но эти фантазіи вступали въ сознаніе на одно мгновеніе и совершенно вытѣснялись [1]). Дальше онъ ихъ не сознавалъ. Результатъ приведенія въ сознанія этого криминальнаго плана былъ прямо поразительный. Онъ опять могъ спать, работать и раскаяніе въ своихъ злыхъ мысляхъ имѣло настолько благодѣтельныя послѣдствія, что онъ совершенно измѣнилъ свои отношенія къ семьѣ. Онъ сталъ нѣжнымъ и внимательнымъ; его жена, придя ко мнѣ черезъ нѣсколько недѣль, чтобы поблагодарить меня, увѣряла, что никогда бы не повѣрила, что такая перемѣна можетъ произойти съ человѣкомъ. Тутъ было открытіе различныхъ криминальныхъ фантазій, изъ которыхъ я упоминаю только одну съ полнымъ объясненіемъ, приведшимъ къ такому удивительному результату. Такихъ примѣровъ я могъ бы привести еще много. И я повторяю, что, по моему мнѣнію, всѣ невротики въ извѣстномъ смыслѣ—преступники, не имѣющіе мужества совершить преступленіе.

Гораздо глубже ведетъ насъ въ проблему невроза другое соображеніе. Всѣ невротики обнаруживаютъ странный типъ, который я назвалъ бы «психическимъ инфантилизмомъ». Подѣтски они мыслятъ, по-дѣтски чувствуютъ и по-дѣтски поступаютъ. Они производятъ впечатлѣніе ребенка. Мы зашли бы черезъ чуръ далеко, если бы я захотѣлъ здѣсь изложить всѣ причины этого психическаго инфантилизма. Каждое жизненное разочарованіе, каждая неудача, постигшая невротика, ведетъ его снова къ тому счастливому времени, когда онъ еще не отвѣчалъ за свои поступки и окруженъ былъ обильной любовью. Всѣ невротики оглядываются назадъ, на рай своего дѣтства.

Какое же имѣетъ соотношеніе выше указанное утвержденіе тайной преступности всѣхъ невротиковъ съ ихъ инфантильностью? Развѣ нельзя принять a priori, что больные, мыслящіе по-дѣтски, должны бы мыслить чисто и безгрѣшно?

---

[1]) Первоначальное преступное желаніе вытѣсняется и замѣщается невиннымъ навязчивымъ представленіемъ или сомнѣніемъ. Въ этомъ случаѣ замѣщеніемъ явился по виду ничего не значущій вопросъ: Провести мнѣ газъ или нѣтъ? (Подробно объ этомъ—въ моей статьѣ Zwangszustände, ihre psychischen Wurzeln und ihre Heilung. Mediz. Klin. 1910. № 5—7).

Это было бы, конечно, вполнѣ правильно, если бы ребенокъ представлялъ собою чистый листъ бѣлой бумаги, по выраженію поэта: «Дитя! нѣтъ ангела свѣтлѣе». Но именно наши изслѣдованія дали намъ поражающіе выводы относительно психики ребенка. Freud, на основаніи своихъ наблюденій, могъ утверждать, что ребенокъ «полиморфно извращенъ». Я могу расширить положеніе, и ставлю свое утвержденіе, которое я всесторонне провѣрялъ вначалѣ съ отрицаніемъ и негодованіемъ, что ребенокъ «универсально преступенъ» и даже въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Изложеніе всего матеріала, имѣющагося въ моемъ распоряженіи, завело бы меня слишкомъ далеко. Я вполнѣ стою на точкѣ зрѣнія Lombroso, для котораго ребенокъ представлялъ собою первобытный типъ человѣка. Біогенетическій законъ причинности Haeckel'я имѣетъ полное приложеніе и къ душѣ человѣка. Психика человѣка также развивается по восходящей линіи. Психика человѣка начинаетъ свое развитіе отъ первобытнаго человѣка съ его преступными первобытными инстинктами и доходитъ до высоко стоящаго культурнаго человѣка со всѣми его этическими задержками и идеальными требованіями. Ребенокъ представляетъ для меня ту ступень человѣчества, когда преступленіе еще не было преступленіемъ, но одной изъ формъ инстинкта самосохраненія. Alfred Adler стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, когда говоритъ: «Каждый ребенокъ первоначально враждебно установленъ по отношенію къ своему окружающему» [1]).

Въ психоанализѣ ребенокъ является существомъ абсолютно эгоистичнымъ и полнымъ преступныхъ замысловъ. Нѣкоторые примѣры могутъ подтвердить это мнѣніе. Jung сообщаетъ, что одна четырехлѣтняя дѣвочка, на слова отца: «послушай, чтобы ты сказала, если бы сегодня ночью у тебя появился братецъ?»,—быстро отвѣтила: «Я-бы его убила». Мнѣ много разъ передавали подобныя заявленія и только на дняхъ мнѣ разсказывалъ паціентъ, что его трехлѣтній племянникъ угрожалъ своему только что родившемуся брату и категорически заявилъ, что онъ хочетъ отрубить ему голову. Stadelmann смотритъ на подобныя заявленія, какъ на дѣтскіе пороки и предрасположеніе къ эпилепсіи. Я не могу согласиться съ такимъ объясненіемъ. Многое изъ того, что мы называемъ эпилепсіей,—только истерія, что я излагалъ

[1]) Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose. Fortschritte der Medizin. 1910.

въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ «Die psychische Behandlung der Epilepsie» [1]). Я держусь мнѣнія Binswanger'a, когда онъ говоритъ: «Эпилепсія характеризуется, какъ клиническое цѣлое, эпилептическимъ припадкомъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ припадка и выступаютъ, напр., психическія нарушенія (дипсоманія), нельзя говорить объ эпилепсіи» (Deutsche med. Wochenschr. 1910, № 50). «Эпилептическій характеръ», «эпилептическая конституція», все это—стремленіе создать картину болѣзни, которая не существуетъ. Настоящая эпилепсія встрѣчается сравнительно рѣдко. Не каждый эпилептическій припадокъ бываетъ вѣрнымъ признакомъ эпилепсіи. Между людьми, страдающими такъ назыв. эпилептическими припадками, есть очень много псевдоэпилептиковъ. Всѣ эти псевдоэпилептики болѣютъ тяжелыми криминальными импульсами, находящими выходъ въ припадкахъ. Псевдоэпилептическій припадокъ есть суррогатъ преступленія. Преступность эпилептиковъ, какъ настоящихъ, такъ и ложныхъ, уже давно извѣстна, и было бы излишнимъ останавливаться подробнѣе на этой темѣ. Что касается сильной преступности дѣтей, столь часто обнаруживающейся въ жестокости, то, конечно, мы можемъ ее считать, какъ Stadelmann, предвѣстникомъ невроза. Чѣмъ рѣзче прорываются криминальные инстинкты, тѣмъ труднѣе работа вытѣсненія, тѣмъ больше строится защитныхъ приспособленій отъ этихъ криминальныхъ инстинктовъ (Adler). Многіе, даже, можетъ быть, большинство невротическихъ симптомовъ,—только защитныя мѣропріятія отъ преступныхъ инстинктовъ. Такъ напр., кассиръ, страдавшій боязнью пространства, защищалъ себя этимъ страхомъ отъ растраты. Потому что человѣкъ, который не можетъ перейти открытую площадь, не будетъ въ состояніи бѣжать въ Америку.

Но вернемся къ дѣтямъ. Кромѣ выше упомянутыхъ кровавыхъ агрессивныхъ намѣреній (убійство острымъ инструментомъ) по отношенію къ братьямъ и сестрамъ, ребенокъ обнаруживаетъ множество другихъ фантазій. Отравленіе также играетъ большую роль въ фантастическомъ мірѣ ребенка, гораздо большую, чѣмъ мы это могли-бы предполагать, подчиняясь старымъ воззрѣніямъ. Я хочу упомянутъ только одинъ случай изъ многихъ наблюденій, который былъ мнѣ сооб-

[1]) См. рефер. „Психотерапія“. 1912. Стр. 54. Н. В.

щенъ также за послѣднія недѣли. Одинъ 28-лѣтній, страдавшій неврозомъ навязчивости, химикъ сообщилъ мнѣ, что ребенкомъ мать предостерегала его брать въ ротъ мѣдныя монеты, такъ какъ онѣ могли быть ядовитыми; онъ могъ-бы отравиться «окисью мѣди». У этого химика, когда ему было 6 лѣтъ, было четверо братьевъ и сестеръ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, потому что его потребность въ ласкѣ была чрезвычайно велика и онъ страдалъ отъ необходимости дѣлить эту ласку и различныя лакомства и подарки съ этими дѣтьми. И вотъ онъ кидаетъ (въ шести-лѣтнемъ возрастѣ!) мѣдную монету въ кувшинъ съ молокомъ съ явнымъ намѣреніемъ отравить ихъ. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ это сдѣлалъ, его охватилъ необычайный страхъ; онъ противился пить отравленное молоко и боялся, что въ кухнѣ найдутъ крейцеръ, и мать, такимъ образомъ, узнаетъ объ его ужасномъ поступкѣ. «Ни одной минуты, признается онъ, я не чувствовалъ угрызеній совѣсти и не боялся, что братья и сестры могутъ пострадать, наоборотъ, этого-то я и желалъ». (Не удивительно, что этотъ человѣкъ сталъ потомъ химикомъ, чтобы постоянно имѣть дѣло съ ядами?).

Кромѣ идей отравленія, дѣти охотно забавляются представленіями объ убійствѣ выстрѣломъ. Я думаю, что извѣстныя изслѣдованія Groos'a о «Дѣтскихъ играхъ» нуждаются въ расширеніи наблюденіями психоанализа. Въ основѣ многихъ дѣтскихъ игръ лежатъ криминальныя фантазіи. Дѣти играютъ въ солдатики, потому что форма, сабля, вооруженіе доставляютъ имъ большое удовольствіе; но также и потому, что солдатъ носитъ смертоносное оружіе и можетъ стрѣлять [1]). Надо помнить, что ребенокъ чувствуетъ себя въ мірѣ взрослыхъ стѣсненнымъ и угнетеннымъ. Его эгоистической волѣ противоставляются воспитательныя воздѣйствія. Какъ ему обороняться отъ могучихъ противниковъ? Кромѣ упомянутыхъ фантазій отравленія, для этого служитъ также стрѣльба. Я, конечно, знаю, что ребенокъ любитъ своихъ окружающихъ, но любитъ только изъ эгоистическихъ мотивовъ. Кто противится его эгоизму, становится его врагомъ. И воспитатели не должны обращать вниманія на во-

[1]) Недавно я наблюдалъ ребенка, который ходилъ съ ружьемъ по комнатѣ и каждому кричалъ: я тебя застрѣлю! Эту-же угрозу онъ высказалъ и отцу. (Недавно, въ Италіи одинъ 6-лѣтній мальчикъ застрѣлилъ своего 3-лѣтняго брата изъ ревности! На вопросъ, не случайно-ли онъ это сдѣлалъ, мальчикъ упрямо и съ удареніемъ отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ убить своего брата изъ ненависти).

лю ребенка, если они хотятъ изъ маленькаго первобытнаго человѣка создать цѣннаго культурнаго человѣка. Всякое воспитаніе является, повидимому, только проблемой: превратить ненависть въ любовь. Такова, скажемъ мы, физіологическая, культурная задача любви къ дѣтямъ: ребенокъ долженъ научиться ради любви измѣнять, подавлять свою волю. Поэтому всякое воспитаніе воздѣйствуетъ страхомъ. На всѣ эти нападки на его желанія и стремленія ребенокъ смотритъ, какъ на препятствія, и реагируетъ на нихъ криминальными фантазіями. Эти криминальныя фантазіи могутъ быть активнаго или пассивнаго характера. Пассивныя фантазіи направлены противъ сильныхъ внѣшнихъ воздѣйствій (болѣзнь, ударъ молніи, переѣздъ поѣзда и т. п.). Всѣ онѣ (напр. брата долженъ переѣхать поѣздъ, домъ учителя долженъ сгорѣть и т. д.) играютъ очень большую роль и при построеніи невротическихъ симптомовъ превращаются въ страхъ. Къ активнымъ криминальнымъ фантазіямъ принадлежитъ игра въ солдатики. Какъ часто мы видимъ ребенка, поднимающаго деревянное ружье и шутливо угрожающаго застрѣлить или что нибудь подобное. Мы должны были бы относиться къ этому гораздо серьезнѣе и вообще болѣе интенсивно, чѣмъ это было до сихъ поръ, заниматься изслѣдованіемъ дѣтской психики. Тутъ лежитъ рѣшеніе многихъ загадокъ. Я встрѣчу еще большія возраженія, если буду утверждать, что и другія игры дѣтей и даже самыя излюбленныя и невинныя обнаруживаютъ явно преступную окраску. Ребенокъ играетъ въ желѣзную дорогу, потому что всякое движеніе радуетъ его. Понятно! Но вѣдь желѣзная дорога въ то-же время орудіе убійства, она можетъ «переѣхать». Я могъ-бы привести много такихъ примѣровъ. Пятилѣтній мальчуганъ кричитъ своей нянѣ: «сойдите съ дороги, а то я васъ переѣду». Позже онъ съ торжествомъ разсказываетъ отцу: «сегодня я переѣхалъ Анну, ее разрѣзало по-поламъ и насмерть».

Игра въ фейерверки стоитъ въ связи съ фантазіями о пожарахъ. Всѣмъ извѣстно, что дѣти съ удовольствіемъ поджигаютъ, и я не скажу ничего новаго и неизвѣстнаго особенно тому кругу читателей, передъ которымъ я говорю, если отмѣчу, что при загадочныхъ пожарахъ всегда необходимо прослѣдить, не подложилъ-ли огонь ребенокъ. Необыкновенно часто можно наблюдать эти фантазіи у дѣтей, которыя впослѣдствіи при невротическомъ искаженіи обнаруживаютъ страхъ погибнуть отъ по-

жара [1]). Всѣ эти преступныя фантазіи интересны намъ въ этой формѣ превращенія. Невротикъ жалуется на боязнь инфекціи и отравленія; анализъ обнаруживаетъ, что въ дѣтствѣ онъ живо интересовался идеями отравленія. У другого сильнѣйшая боязнь грозы; когда онъ былъ мальчикомъ, у него было преступное желаніе, чтобы молнія убила его очень строгаго отца. Третій не можетъ видѣть острыхъ предметовъ; анализъ показываетъ, что у него были различныя идеи убійства при помощи ножа или вязальной иглы. Такъ отмщаются по принципу Таліона криминальныя фантазіи; боязнь становится тогда препятствіемъ осуществленію этихъ фантазій. Она является одновременно защитой и наказаніемъ.

Послѣ такихъ необходимыхъ поясненій я хочу перейти къ выбранной мною болѣе узкой темѣ—выборъ профессіи и преступность. Я исключу тѣ случаи, при которыхъ выборъ профессіи произошелъ не добровольно, такъ какъ мы всегда встрѣтимъ очень много людей, профессія которыхъ опредѣлилась частью обстоятельствами, частью вліяніемъ ихъ воспитателей. Мои выводы касаются только тѣхъ случаевъ, когда профессія была выбрана свободно. Но и тѣ, профессія которыхъ была вынуждена, легко могутъ быть отнесены во вторую категорію, если имъ предложить вопросъ: какую профессію они предпочитаютъ или предпочитали? Тогда мы узнаемъ, что лицо, о которомъ идетъ рѣчь, охотно выбрало-бы ту или иную профессію, если-бы это было возможно. Но къ этому мы еще вернемся. Я хотѣлъ бы только при этомъ указать, что мы можемъ установить пять формъ выбора.

Первая: Идентификація съ отцомъ. Она встрѣчается довольно часто. Напримѣръ: сынъ врача хочетъ быть также врачемъ, потому что онъ восхищается своимъ отцемъ и любитъ его. «Любить—это значитъ, говоритъ Hebel, плѣняться самимъ собою въ другомъ». Любовь есть процессъ идентификаціи; но иногда эта идентификація сопровождается противоположнымъ стремленіемъ превзойти своего отца. Я знаю одного философа, отецъ котораго былъ также философомъ, и который старается превзойти отца въ своихъ произведеніяхъ въ той же научной области. Сюда же надо отнести историческаго Александра, который боялся, что отецъ его, Филиппъ, не оставитъ для него ничего не завоеваннымъ.

[1]) Одинъ ребенокъ, котораго я наблюдалъ, во время pavor nocturnus кричалъ: „я горю“. Днемъ онъ вѣчно фантазировалъ объ огнѣ и охотно жегъ бумагу, если оставался одинъ.

Гораздо интереснѣе вторая группа выбора профессіи— дифференцированіе отъ отца. Она объясняетъ намъ многія странныя явленія. У ребенка обнаруживается тенденція выбрать профессію противоположную профессіи отца. Особенно часто мы наблюдаемъ, что сыновья купцовъ, т. е. людей чисто матеріалистической профессіи, переходятъ къ болѣе идеалистической профессіи. Они дѣлаются поэтами, художниками или философами. Сухіе, педантичные отцы имѣютъ очень часто сыновьями служителей искусства, художниковъ, на что я указываю въ моей книгѣ «Dichtung und Neurose». На политическомъ поприщѣ мы встрѣчаемъ то же явленіе. Сыновья избираютъ партію, враждебную партіи отца. Если отецъ консерваторъ, они будутъ либералами. Если отецъ соціалъ-демократъ, они будутъ консерваторами. По моему мнѣнію, періодическая смѣна политическихъ воззрѣній народа (виги —торіи) основывается, главнымъ образомъ, на такихъ процессахъ дифференцированія между отцами и дѣтьми. Объ эти формы не обнаруживаютъ особенной связи съ преступностью.

Третья группа, о которой я буду говорить, возвращаетъ насъ снова къ нашей узкой темѣ. Она выражаетъ попытку сублимировать эротическіе и криминальные инстинкты; т. е. враждебные культурѣ инстинкты порабощаются и ихъ заставляютъ служить культурѣ. (Какъ бурный, разрушительный, дикій потокъ преграждаютъ плотиной и заставляютъ двигать электрическую машину). Простымъ примѣромъ сублимированія такого криминальнаго инстинкта можетъ быть хирургъ. Очень часто, хирургъ съ самого начала былъ садистомъ, услаждавшимъ себя кровавыми фантазіями. Затѣмъ этотъ садизмъ употребленъ былъ на то, чтобы двигать машину гуманности.

Я знаю одного врача по носовымъ болѣзнямъ, который увѣрялъ меня, что онъ испытываетъ величайшее удовольствіе, когда при операціи въ носу кровь течетъ черезъ руку. Одинъ операторъ разсказывалъ мнѣ, что ребенкомъ онъ наслаждался кровавыми фантазіями. А иной, «Джекъ-потрошитель» въ дѣтствѣ, сдѣлается гинекологомъ и будетъ денно и нощно работать для блага человѣчества. Такія превращенія въ противоположное хорошо извѣстны намъ, психоаналитикамъ. Съ удивленіемъ всегда замѣчаютъ, что люди, извѣстные за филантроповъ, по психоанализу оказываются злѣйшими садистами. Подобнымъ-же образомъ поджигатель дѣлается чле-

номъ добровольной пожарной дружины или даже изслѣдователемъ, занятымъ изысканіями, какъ скорѣе тушить пожары. Я напомню о моемъ химикѣ, который въ дѣтствѣ имѣлъ явно выраженныя фантазіи отравленія. Фармацевты, мнѣ кажется, тоже не далеко стоятъ отъ этой категоріи. Преступныя дѣти часто становятся полицейскими, жандармами и т. п.

Четвертая группа представляетъ собою ту форму выбора, которая служитъ безсознательнымъ тенденціямъ (фетишизмъ). Я зналъ одного сапожника, который былъ явнымъ фетишистомъ ноги. Банщики часто гомосексуалисты, какъ и массажисты, что достаточно общеизвѣстно. Одинъ перчаточникъ увѣрялъ меня, что поцѣлуй руки—для него наивысшее удовольствіе, какое онъ только знаетъ. Парикмахеръ, фетишистъ волосъ, сознавался мнѣ, что взбиваніе мягкихъ, завитыхъ волосъ вызывало у него часто поллюцію. Я бесѣдовалъ однажды съ врачомъ, живо интересовавшимся всѣми анальными проявленіями. Онъ хотѣлъ спеціализироваться по болѣзнямъ прямой кишки. Онъ былъ явнымъ podex-фетишистомъ. Эта группа собственно совпадаетъ съ третьей группой, но она обнаруживаетъ все таки извѣстную самостоятельность. Существуютъ профессіи, вмѣняющія въ обязанность убійство и умерщвленіе. Я укажу только на мясниковъ, живодеровъ, палачей; и даже средневѣковыхъ ландскнехтовъ можно было-бы съ извѣстной оговоркой причислить къ этой группѣ. Цѣлый рядъ невротическихъ формъ выбора профессіи связанъ съ такимъ проявленіемъ безсознательной тенденціи.

Наиболѣе важной кажется мнѣ пятая группа, въ которой профессія выбирается, какъ охрана или защита (Alfr. Adler) отъ безсознательныхъ побужденій. Я могъ-бы привести этому наибольшее число примѣровъ. Особенно я былъ пораженъ однажды, при изслѣдованіи детектива. Обнаружилось, что онъ былъ ясно выраженнымъ преступникомъ, и что прекрасное пониманіе преступника выросло въ немъ, благодаря сходнымъ стремленіямъ. Особенно поражало меня всегда, что я находилъ такъ много случаевъ невроза навязчивости между адвокатами и судьями. Для невроза навязчивости особенно характерно указаніе на связь между криминальностью и неврозомъ. Всѣ страдающіе неврозомъ навязчивости охотно занимаются криминальными фантазіями. Ихъ невротическія дѣйствія содержатъ обыкновенно такъ называемый «смертный договоръ» («Todesklausel»), т. е. ихъ бо-

лѣзненное представленіе говоритъ: «если я того или другого не сдѣлаю, тотъ или этотъ умретъ». Неврозъ навязчивости строитъ остроумную систему защиты отъ преступныхъ инстинктовъ.

Быть можетъ, мнѣ будетъ дозволено подробно обсудить это съ помощью одного примѣра. Одинъ судебный слѣдователь уже нѣсколько лѣтъ жалуется, что онъ потерялъ интересъ ко всему, что не касается его должности. Онъ читаетъ только юридическія книги, не ходитъ въ театры, въ газетахъ читаетъ только то, что его интересуетъ по должности; онъ теряетъ интересъ и къ своей семьѣ. Постепенно выступаютъ навязчивыя дѣйствія и сомнѣнія. Послѣ допроса обвиняемому онъ ставилъ себѣ вопросъ: А ты правильно дѣйствовалъ? Не ставилъ обвиняемому наводящихъ вопросовъ? Такія сомнѣнія мучаютъ его въ теченіе нѣсколькихъ дней. Онъ преувеличенно педантиченъ, добросовѣстенъ въ исполненіи обязанностей, скрупулезно изучаетъ всѣ рѣшенія высшаго суда. Онъ никогда не говоритъ съ свидѣтелемъ одинъ на одинъ, изъ боязни подозрѣнія, что на него можно оказать воздѣйствіе. Однако, психоанализъ открываетъ еще дальнѣйшія защитныя тенденціи. Для него мучительно сидѣть въ дорогѣ съ кѣмъ нибудь вдвоемъ въ одномъ купэ. Какъ судья, онъ имѣлъ случаи убѣдиться, какъ легко безъ всякой вины попасть на подозрѣніе въ кражѣ, ограбленіи и даже убійствѣ. Онъ уходитъ изъ купэ, если оказывается въ немъ вдвоемъ съ кѣмъ нибудь. Но это только нѣкоторые грубые штрихи въ картинѣ болѣзни. Психоанализъ открываетъ ея корни. Въ корнѣ лежатъ необычайно сильные криминальные инстинкты, снова вспыхнувшіе какъ разъ въ послѣдніе годы вслѣдствіе личныхъ мотивовъ. Благодаря безсовѣстной продѣлкѣ одного родственника, онъ лишился наслѣдства, на которое имѣлъ большія надежды. Фантазіи мести этому родственнику играли одно время роль въ его душѣ, пока не были вытѣснены сознаніемъ и не образовали тяжелыхъ симптомовъ невроза навязчивости. Это недавнее переживаніе было послѣднимъ камнемъ цѣлой постройки, такъ какъ неврозъ назязчивости простирается до ранняго дѣтства и обнаруживаетъ глубочайшіе корни въ постоянно активномъ, мучительномъ сознаніи виновности въ криминальныхъ фантазіяхъ дѣтства. Этотъ больной добровольно выбралъ юридическую дорогу, чтобы изученіемъ права защитить себя отъ заблужденій. Я думаю, что меня

понимаютъ! Я ни въ какомъ случаѣ не хочу утверждать, что мы всегда встрѣчаемъ что либо подобное. Стремленіе къ изученію права и къ судебной защитѣ можетъ вытекать также изъ полнаго преодолѣнія, т. е. удачной сублимаціи инфантильной криминальной эпохи. Оно будетъ позитивнымъ стремленіемъ въ культурномъ преуспѣяніи человѣчества. Но во многихъ наблюдаемыхъ мною случаяхъ я находилъ только что нарисованные душевные механизмы личной защиты отъ преступленія. Я могъ бы добавить еще одно. Всѣ невротики въ глубинѣ души въ сущности набожные люди. Иногда они выдаютъ себя за невѣрующихъ. Они одержали только видимую побѣду надъ религіей въ интеллектѣ. Чувство ихъ живетъ еще глубоко въ старой дѣтской вѣрѣ. Вѣра ихъ обнаруживается передъ опытнымъ изслѣдователемъ въ суевѣріи, мистицизмѣ, спиритизмѣ, теософіи, буддизмѣ и т. под. Изъ этой религіи вытекаетъ глубокое сознаніе вины, которое является движущей силой всѣхъ неврозовъ. Ихъ страхъ есть страхъ возмездія, т. е. наказанія Божія.

Я кончаю свое изложеніе. Я, конечно, сознаю, что въ немъ много пробѣловъ, но надѣюсь, что оно побудитъ другихъ изслѣдователей изучать связь между выборомъ профессіи и неврозомъ и особенно связь между неврозомъ и преступностью. Мы должны уяснить себѣ, что культурный человѣкъ не отдѣляется такой огромной пропастью отъ преступника, какъ мы это до сихъ поръ думали. Между ними есть пограничная область и отъ отвратительнаго животнаго «Джека-потрошителя» до знаменитаго, высокодобродѣтельнаго гинеколога, спасающаго тысячи человѣческихъ жизней, не щадя своего здоровья, идетъ непрерывная линія развитія. На одной точкѣ этой линіи преступность переходитъ въ неврозъ.

Перев. Н. В.

Психологическій этюдъ къ вопросу объ алкоголизмѣ.

I. А. Бирштейна.

Въ одной изъ русскихъ газетъ мнѣ пришлось недавно прочесть слѣдующую замѣтку: «Случай поразительнаго звѣрства на почвѣ пьянаго угара произошелъ въ имѣніи К., вблизи Рыбинска. 34 лѣтній рабочій Ивановъ затѣялъ ссору съ другимъ рабочимъ Миропольскимъ, силясь доказать тому, что «нѣтъ на свѣтѣ Бога»... Затѣмъ онъ легъ спать. Воспользо-

вавшись этимъ, Миропольскій взялъ топоръ и сталъ наносить спящему Иванову удары до тѣхъ поръ, пока буквально не изрубилъ его. Иванова отвезли въ земскую больницу. При осмотрѣ у него насчитали 26 ранъ. Одна рука и нога отрублены, нѣкоторыя части тѣла представляютъ собой какую то безформенную массу. Человѣкъ звѣрь, 80-лѣтній старикъ Миропольскій, арестованъ».

Главное, на чемъ останавливается мысль при попыткѣ психоаналитическаго изслѣдованія описаннаго случая это: 1) «пьяный угаръ», 2) стараніе Иванова доказать Миропольскому, что «на свѣтѣ нѣтъ Бога», 3) преклонный возрастъ Миропольскаго, и 4) наконецъ, самая форма убійства, обрисовывающая высокую степень аффективности въ моментъ совершенія преступнаго акта.

Полагаю, что не малое число читателей, обратившихъ вниманіе на эту газетную замѣтку, напечатанную петитомъ, должны пребывать въ состояніи нѣкотораго недоумѣнія: въ чемъ смыслъ, гдѣ импульсъ, каковы чувственные мотивы, приведшіе къ факту «звѣрскаго» убійства? Далѣе, при чемъ здѣсь такое озлобленіе со стороны 80-лѣтняго старика, проявившееся въ деталяхъ убійства? Неужели одно только опьянѣніе могло явиться главной причиной преступленія? Какъ то странно! Правда, намъ незнакома біографія Миропольскаго, однако можно предположить, что въ теченіе долгой жизни Миропольскій никого не убивалъ (иначе объ этомъ было бы упомянуто въ газетной замѣткѣ, въ видѣ обыкновеннаго термина «убійца-рецидивистъ» и т. п.) и, вѣроятно, не разъ находился въ состояніи аналогичнаго опьянѣнія. Что же особенное, исключительное могло имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ? Приходится предположить, что не опьянѣніе само по себѣ обусловило столь трагическое явленіе, а, вѣроятно, тотъ споръ между Ивановымъ и Миропольскимъ, который возникъ на почвѣ вопроса о «существованіи на свѣтѣ Бога». Спрашивается теперь, почему, въ такомъ случаѣ, проявилась столь аффективная реакція со стороны Миропольскаго на повидимому убѣдительныя разсужденія Иванова о «несуществованіи Бога на свѣтѣ»? Гдѣ та психическая обусловленность дѣйствія Миропольскаго, жертвой которой явился Ивановъ?

Эта обусловленность представляется мнѣ, приблизительно, таковой.

Молодой, по сравненію съ Миропольскимъ, Ивановъ, подъ вліяніемъ алкоголя, понижающаго, какъ извѣстно, функ-

ціи высшихъ задерживающихъ центровъ, приходитъ въ своего рода маніакальное состояніе, граничащее съ маніей величія; въ такой искусственной психической конституціи онъ стремится обезцѣнить все то, съ чѣмъ въ нормѣ ему приходилось, такъ или иначе, считаться: этику, мораль, религіозныя чувства и пр. Считаться—значитъ примиряться вопреки требованіямъ своего «я» и наряду съ этимъ испытывать чувство гнета, насилія надъ душой, стремящейся къ полной и неограниченной свободѣ выраженій.

Нужно думать, что чувство давленія въ неуравновѣшенной, съ трудомъ приспособившейся къ соціальному строю, душѣ Иванова сводилось главнымъ образомъ къ вынужденнымъ счетамъ съ комплексомъ Божества, религіозности и пр. Къ алкоголю онъ прибѣгъ, какъ большинство невротиковъ, съ подсознательнымъ намѣреніемъ устранить, хотя бы на короткое время, всегдашній конфликтъ между истинными импульсами его необузданной, примитивной натуры и навязанными ему требованіями сдерживать эту импульсивность путемъ раціоналистическихъ принциповъ закона, общественныхъ понятій морали, разграниченія между добромъ и зломъ и, наконецъ, отвѣтственности предъ наивысшей инстанціей, высшимъ судьею—Богомъ.

И, дѣйствительно, безсознательная цѣль достигнута: конфликтъ разрѣшенъ въ утвержденіи и искреннемъ (для даннаго момента) убѣжденіи о «несуществованіи Бога». Однако, недостаточно такого самоубѣжденія, искренность такового еще не перешла всецѣло въ область непосредственнаго чувствованія. И, какъ это нерѣдко (а можетъ быть и всегда) наблюдается въ жизни, особенно горячо отстаивается и оспаривается тотъ вопросъ, который, вопреки логическимъ выводамъ, глухо звучитъ въ душѣ именно въ формѣ вопроса. Если въ спорѣ удастся доказать противнику логическую правильность мнѣнія и, такимъ образомъ, пріобщить его къ видимой раціоналистической точкѣ зрѣнія, то мучительный диссонансъ вопроса, лежащаго тяжелымъ бременемъ на днѣ души, можетъ нѣсколько смягчиться, сгладиться. Лозунгъ таковъ: «одинъ въ полѣ не воинъ—значитъ, нужно направить всю энергію для накопленія союзниковъ-единомышленниковъ; чѣмъ больше—тѣмъ спокойнѣе можно утвердиться на слабо защищенной позиціи». Таковой мнѣ представляется и психологическая основа пророческихъ натуръ, стремящихся къ возможно большему расширенію круга своей дѣятельности и

включенію въ этотъ кругъ наибольшаго количества приверженцевъ, вѣрующихъ друзей. Причина, какъ уже было сказано, лежитъ въ чувствѣ неувѣренности въ своей правотѣ (Unsicherheits-Zweifelconstruction, Adler'a), нуждающейся въ безконечныхъ подтвержденіяхъ извнѣ. Вспоминаю при этомъ о Толстомъ, вся долгая жизнь котораго была не чѣмъ инымъ, какъ видимымъ, кажущимся пророчествомъ, а въ сущности невозможностью избавиться отъ внутреннихъ противорѣчій, проходившихъ ярко и опредѣленно чрезъ всю его жизнь. И онъ проповѣдывалъ о существованіи Бога, говорилъ, писалъ, оставилъ подъ конецъ жизни художественное творчество, такъ какъ нѣчто болѣе важное выдвинулось на первый планъ его больной души—вопросъ о Богѣ, жизни временной и, главнымъ образомъ, смерти. На каждомъ шагу встрѣчаемъ мы у Толстого эту боязнь смерти и съ боязнью ея онъ борется путемъ измышленія философской системы о безсмертіи духа, горячо пропагандируетъ надуманное и чрезъ пропаганду достигаетъ значительнаго привлеченія союзныхъ силъ, которыя помогли бы ему утвердиться въ шаткомъ, созданномъ имъ компромиссѣ.

Самая форма: признаніе или отрицаніе Божества не играетъ принципіальной роли. Все сводится къ тому, чтобы погрузиться въ увѣренность своего божественнаго безсмертія. Разница между Ивановымъ и Толстымъ только внѣшняя, но не психологическая. Первый отрицаетъ Бога, такъ какъ самъ стремится къ воплощенію Божества—всемогущаго, безсмертнаго. Второй—рѣзко подчеркиваетъ Его существованіе и, слѣдовательно, галлюцинаторное приближеніе, почти идентификацію съ Божествомъ.

Повидимому, есть тутъ нѣчто общее съ параноическимъ механизмомъ: для того, чтобы приблизиться къ возможности стать всесильнымъ, безсмертнымъ существомъ («мужской протестъ», какъ слѣдствіе подчеркнутаго чувства малоцѣнности, Adler) нужно либо вырвать изъ души представленіе о Богѣ (Ивановъ), либо окружнымъ путемъ достичь отождествленія съ нимъ (Толстой). Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ ясно сказывается «тенденція обезцѣниванія» (Entwertungstendenz, Adler'a).

Абсолютное отрѣшеніе отъ реальности при параноѣ—это «conditio sine qua non» для достиженія фикціи, соотвѣтствующей натурѣ и всей психической структурѣ параноика.

Жизненный планъ невротика, въ нашемъ случаѣ Ива-

нова, не отличается принципіально отъ такового психотика. Разница лишь въ томъ, что послѣднему удается полное и абсолютное отрѣшеніе отъ реальности, удается галлюцинаторное достиженіе фиктивно намѣченной конечной цѣли. Невротикъ же пребываетъ въ состояніи постояннаго душевнаго конфликта между идеалистическими требованіями натуры и дѣйствительностью, отбросить которую цѣликомъ—онъ не въ состояніи.—Въ результатѣ такой психической борьбы мы сталкиваемся у невротика всякій разъ съ попытками видоизмѣненія—въ сущности недостижимой, ибо фиктивной цѣли. Всѣ невротическіе симптомы представляются намъ при ближайшемъ анализѣ не чѣмъ инымъ, какъ пріемами, средствами и конструкціями, путемъ которыхъ невротикъ упорно пытается реализовать свои хотѣнія, вытекающія изъ всесторонне принятаго масштаба его закостенѣлаго жизненнаго плана. Нужно добавить, что механизмъ, продуцирующій невротическіе симптомы—конструкціи, можетъ функціонировать при непремѣнномъ условіи: погруженія истиннаго смысла фиктивной цѣли въ безсознательное.

Что касается алкогольнаго опьянѣнія, то и это видимое явленіе представляется мнѣ не чѣмъ инымъ, какъ тоже своего рода невротической конструкціей, преслѣдующей наибольшую возможность отрѣшенія отъ тормазовъ реальности и старающейся сократить разстояніе между дѣйствительностью и завѣтной цѣлью «я» до возможнаго минимума. Эта завѣтная, фиктивная конечная цѣль невротическаго характера сводится къ понятіямъ: сверхкомпенсанціи, мужского протеста, сверхчеловѣчности, идентификаціи съ Божествомъ (Adler) и обслуживается цѣлымъ рядомъ искусно разработанныхъ психическихъ пріемовъ—симптомовъ.

Обращаясь теперь къ анализу реактивнаго явленія и поступка Миропольскаго, послѣдовавшихъ въ связи съ убѣжденіями и внушеніями Иванова о «несуществованіи Бога», полагаемъ, а priori, что реакція эта была обусловлена всей психической структурой Миропольскаго, вообще, и, значитъ, ея современнымъ (въ часы пьянства, спора и убійства) состояніемъ, въ частности. Изъ краткой газетной замѣтки мы достаточнаго матеріала получить не можемъ. Поэтому, приходится ограничиться однимъ только извѣстнымъ намъ фактомъ—возрастомъ Миропольскаго и на почвѣ этой извѣстности оперировать и пытаться создать точный эскизъ всего существа Миропольскаго. Какъ въ естествовѣдѣніи люди конструируютъ

внѣшность и формы какого-либо существовавшаго, но вымершаго вида, на основаніи найденной детали—кости черепа и пр., такъ и мы попытаемся на основаніи одного, съ виду малосущественнаго факта, обрисовать общую психическую конституцію Миропольскаго.

Итакъ, общеизвѣстное явленіе таково: чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ большую склонность проявляетъ онъ къ религіознымъ чувствованіямъ. Молодежь большей частью относится къ воспріятію религіозныхъ понятій либо совсѣмъ безразлично, либо очень поверхностно, ограничиваясь подтвержденіемъ догмы. Далѣе, извѣстно не мало случаевъ, когда люди атеистически настроенные, предъ лицомъ смерти или опасности, связанной съ возможностью гибели—проявляютъ необычную для склада ихъ души религіозность. Объясненіе такого явленія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что вмѣстѣ съ прогрессирующимъ возрастомъ вырисовывается въ душѣ человѣка все яснѣе и пластичнѣе призракъ приближающейся и непреодолимой смерти. Въ сущности, смерть—это единственное въ жизни, чего человѣкъ не въ состояніи побороть. Все остальное онъ можетъ, пожалуй, преодолѣть, если не фактически, то фантастически, въ грезахъ, сновидѣніяхъ, мечтаніяхъ и надеждахъ. (Снова исключаю психотиковъ, такъ какъ имъ удается дойти до конца въ увѣренности своего безсмертія на основаніи непоколебимой формулы: «Божество безсмертно, я—Божество, слѣдовательно, и я—безсмертно»).

Обычно-же, такая безпомощность предъ лицомъ смерти у людей старыхъ, больныхъ, либо молодыхъ и здоровыхъ, но также вынужденныхъ, въ силу случайныхъ причинъ, считаться съ всесиліемъ смерти—вызываетъ и рѣзко подчеркиваетъ то присущее всему человѣчеству «чувство малоцѣнности» (Minderwertigkeitsgefühl, Adler'a), которое связано именно съ больнымъ мѣстомъ указанной проблемы и, которое у человѣка съ нервнымъ характеромъ стоитъ въ центрѣ невроза. Такъ напримѣръ, всѣмъ людямъ извѣстна неминуемость смерти. Невротику она тоже извѣстна, но тутъ же онъ стремится использовать это непреодолимое, чтобы продемонстрировать ad oculos свою малоцѣнность. А эта конструкція нужна, въ свою очередь, чтобы получить возможность пришпорить коня, съ которымъ срослась воедино его натура—«мужской протестъ». Изъ воззрѣній A. Adler'a намъ извѣстно, что чувство малоцѣнности (das Minderwertigkeitsgefühl) обусловли-

ваетъ рядъ психическихъ приспособленій, какъ-то: компенсацію, сверхкомпенсацію («мужской протестъ») и въ закономѣрной связи съ ними—конструкціи защитительнаго свойства (Sicherungen) и тенденціи обезцѣниванія (Entwertungstendenzen) непреодолимаго въ реальности.

Обычный, нормальный консерватизмъ старыхъ людей можетъ быть объясненъ тѣмъ же психическимъ конфликтомъ, крайніе полюсы котораго выражаютъ: 1) конструкцію чувства малоцѣнности для 2) изживанія «мужского протеста». Такой консерватизмъ напоминаетъ отчасти политику лисицы (изъ извѣстной басни), при помощи которой ей все же удается выйти съ честью изъ непріятнаго положенія по отношенію къ винограду, растущему на недосягаемой для нея высотѣ (принципъ недостижимаго въ реальности). Посредствомъ обезцѣниванія желаннаго, зрѣлаго винограда она уходитъ съ «якобы» безразличнымъ отношеніемъ отъ предмета своихъ вождѣленій (Entwertungstendenz—какъ вспомогательное средство). Нѣтъ ли здѣсь чего-либо соотвѣтствующаго конструктивной политикѣ старыхъ людей (старость, безпомощность, чувство малоцѣнности, призракъ смерти) въ ихъ недостижимомъ порывѣ къ принципамъ юности, силы, широко подразумѣваемой потенціи, въ основѣ которой лежитъ все та же перспектива угрожающей смерти, т. е. импотенціи въ широкомъ и узкомъ смыслѣ этого понятія? Даже языкъ, повидимому, приспособился къ результирующему обезцѣниванію, въ видѣ выраженій: «зеленая, незрѣлая молодежь». Если въ баснѣ Крылова можно, пожалуй, допустить (однако, cum grano salis), что лисица искренно успокоилась, обезцѣнивъ зрѣлый и вкусный виноградъ, то по отношенію къ человѣческой, а тѣмъ болѣе, невротической психикѣ, такое предположеніе должно быть совершенно исключено. У человѣка, въ аналогичныхъ случаяхъ, говоритъ только языкъ, слышна раціонализація, но ни въ коемъ случаѣ не истинныя чувства. Мужской протестъ продолжаетъ функціонировать съ присущей ему регулярностью до тѣхъ поръ, пока не сформируется въ душѣ нѣкоторый компромиссъ, обслуживающій въ дальнѣйшемъ конечную цѣль протеста—созданіе фиктивной, недосягаемой позиціи—«на самомъ верху».

Такого рода компромиссъ, такая произвольная (хотя и безсознательная) психическая конструкція ведетъ все человѣчество къ проблемамъ Божества, т. е. безсмертія. Приближаясь къ Божеству, идентифицируя себя съ таковымъ (при

содѣйствіи подтасованныхъ религіозныхъ догмъ, воспринимаемыхъ понятій этическихъ формъ: добра, зла, самоусовершенствованія, непротивленія злу, любви ко всѣмъ людямъ-братьямъ и т. д.) человѣку удается въ извѣстной мѣрѣ, на такомъ галлюцинаторномъ пути, избавиться отъ удручающаго чувства собственнаго ничтожества. Понятно теперь, что у людей старыхъ и къ тому же съ невротическимъ характеромъ (въ центрѣ котораго лежитъ подчеркнутая идея сверхкомпенсанціи и пр.)—весь ходъ упомянутаго конфликта и неразрывно связаннаго съ таковымъ упорнаго стремленія къ созданію душевнаго компромиса долженъ быть выраженъ особенно рѣзко и отчетливо.

Нужно полагать, что такой компромиссъ удается сформировать въ большей или меньшей степени,—значитъ,—не всецѣло (какъ это всегда удается параноику). Душа Миропольскаго представляется намъ въ видѣ вѣсовъ, чаши которыхъ съ трудомъ приведены въ состояніе равновѣсія. Вѣсы же настолько чувствительны, что достаточно ничтожнаго давленія, достаточно, пожалуй, дуновенія вѣтерка, чтобы равновѣсіе нарушилось.

Какъ утопающій хватается за соломинку въ фиктивной надеждѣ, что соломинка избавитъ его отъ неминуемой гибели, такъ и Миропольскій пытается создать чувственное воспріятіе имъ самимъ созданной фикціи. Оберегая душевное равновѣсіе, онъ склоненъ эту фикцію закрѣпить тѣмъ, что хочетъ придать ей значеніе чего-то дѣйствительнаго, вѣрнаго, душеспасительнаго и какъ-бы реальнаго. Путемъ долгой, мучительной (преимущественно безсознательной) психической работы, онъ приспособился, наконецъ, къ миражному якорю спасенія, сумѣлъ довести линію своего «мужского протеста» до конца идеи божественнаго безсмертія. Ясно, что человѣкъ особенно дорожитъ тѣмъ, что ему досталось не легко, и, значитъ, придавая этому бо́льшую цѣнность, бдительно оберегаетъ это «нѣчто» отъ возможности утраты.

Итакъ, пребывая въ такомъ состояніи съ трудомъ достигнутаго душевнаго равновѣсія (кстати, весьма ненадежнаго—ибо фиктивнаго),-- онъ неожиданно подвергается нападенію со стороны принципіальнаго противника, руководимаго аналогичными мотивами своей психической конституціи; Ивановъ рисуется Миропольскому въ образѣ злого генія, дьявола, нечистой силы и т. д. [1]).

[1]) Невольно напрашивается психологическая параллель, касающаяся народныхъ мифовъ, гдѣ „нечистая сила“ стремится, путемъ обѣщанія земныхъ благъ, купить душу, т. е. лишить человѣка исключительно нужнаго ему представленія о безсмертіи души, его личнаго „я“.

Здѣсь съ этой стороны онъ ощущаетъ безпокойство и страхъ, такъ какъ... быть можетъ, Ивановъ и правъ въ своемъ отрицаніи... А, если онъ правъ, то вѣдь вся столь высокая постройка, возведенная Мирольскимъ и увѣнчанная куполомъ, достигающимъ небесъ, можетъ и, даже больше, должна обрушиться, ибо все-таки она не имѣетъ подъ собой твердой почвы, реальнаго фундамента. (Въ легендѣ о «Вавилонской башнѣ» не трудно усмотрѣть аналогичные импульсы общечеловѣческаго «мужского протеста». И въ ней мы видимъ, что фикція не можетъ быть реализована).

Что-же ждетъ Миропольскаго въ будущемъ, если ему не удастся до конца своей жизни пребывать въ фиктивно-созданномъ состояніи относительнаго душевнаго равновѣсія? Снова продѣлать утомительный путь сверхкомпенсаціи врядъ-ли удастся, ибо, кто знаетъ—ослѣпительный свѣтъ истины, исходящей изъ устъ дьявольскаго собесѣдника, не дастъ возможности для повторной конструкціи уже вполнѣ созрѣвшей фикціи. Другого исхода, въ смыслѣ замѣны старой (разрушенной) фикціи новой, тоже нельзя ожидать, ибо первая привела къ наивысшей конечной цѣли—идентификаціи съ Божествомъ, а помимо того—ужъ поздно. Возрастъ-смерть уже глядятъ въ испуганныя очи старика и не время уже начинать созиданіе новаго. Нужно, во что бы то ни стало, держаться стараго, старой «соломинки».

Въ такіе часы «соломинка» превращается въ «бритву», за которую теперь цѣпко держится утопающій Миропольскій. Но «бритва» эта рѣжетъ, причиняя нестерпимую боль: фикція грозятъ раскрыться, какъ таковая; воздушный замокъ близокъ къ разрушенію; чувство личнаго «я» колеблется, какъ неустойчивые вѣсы, какъ хрупкое зданіе во время землетрясенія и вотъ-вотъ обрушится и погребетъ подъ своими обломками несчастнаго старика. Въ паническомъ ужасѣ раздается душевный крикъ: «спаси себя, покуда не поздно!». Да, но какъ спастись? Просто уйти? Нѣтъ, это не исходъ, такъ какъ вмѣстѣ съ уходомъ пойдетъ за нимъ и та душевная трещина, которую обусловили слова Иванова. Остается только одно:—закрыть плотно уши, чтобы не слышать ни словъ, ни звуковъ рѣчей Иванова. Если это удастся, то, быть можетъ, и трещина зарастетъ и все будетъ снова хорошо»...

Ивановъ уснулъ. Но въ мозгу Миропольскаго еще съ одинаковой силой звучатъ его слова и всплываетъ мысль: «онъ спитъ, но я его слышу, кромѣ того, онъ вѣдь проснет-

ся и снова станетъ терзать меня». Отвѣтомъ на такое страшное представленіе является еще болѣе настойчивое желаніе никогда въ жизни не слушать, значитъ, не услышать «нечистыхъ» рѣчей Иванова... «Убить!? Нѣтъ, и это не все, этого недостаточно. Просто убить вѣдь это еще связано съ возможностью видѣть предъ глазами его образъ, а видѣть—представлять себѣ его лицо—это вѣдь равносильно тому, чтобы слышать его голосъ и исходившія изъ его устъ страшныя слова. Остается одно: уничтожить, изрубить въ куски, лишить всякаго человѣческаго образа, превратить въ нѣчто безформенное, безобразное, въ груду мяса,—въ не бывшее когда либо одушевленнымъ».

И фактъ свершенъ. Одно существо уничтожило другое, одно Божество свергло съ престола другое, дабы въ отчаянной борьбѣ за свое «я», спастись среди бушующаго океана жизненнаго хаоса, судорожно цѣпляясь за одинокій и острый утесъ, на которомъ для двухъ недостаточно мѣста. «Спасайся, кто можетъ», въ надеждѣ, что откуда нибудь придетъ помощь! Лишь бы не погибнуть, не утонуть, не утратить живущаго «я».

Тѣмъ не менѣе, Миропольскій не спасенъ. Съ объективной точки зрѣнія—«лучше» (если можно такъ выразиться) уже не существующему Иванову. Будущность Миропольскаго обременена психически не фактомъ совершенія убійства, а тѣмъ, что съ этимъ убійствомъ непрестанно будутъ ассоціироваться слова и мысли злого демона, разрушившія разъ на всегда фиктивный, воздушный замокъ, къ которому приспособилась кое какъ личность Миропольскаго. Остатокъ его дней долженъ сопровождаться неизгладимымъ чувствомъ несчастія и горечи.

Возможно предположить, что если бы онъ не убилъ Иванова, то душевный конфликтъ (это убійство обусловившій) не принялъ бы такой остроты, а, быть можетъ, съ теченіемъ времени въ такой мѣрѣ изгладился, что привелъ бы психическіе вѣсы Миропольскаго въ состояніе, близкое къ прежнему, приблизительному равновѣсію.

Въ результатѣ, приходится допустить, съ большой вѣроятностью, что роль имѣвшаго мѣсто алкогольнаго опьянѣнія не явилось непосредственной причиной трагическаго эпизода. Опьянѣніе, съ психологической точки зрѣнія, носитъ вторичный характеръ, ибо оно—полусознательная конструкція для предполагаемаго (въ перспективѣ) обостренія душевнаго

конфликта и желательнаго ударенія на ограниченномъ и застывшемъ жизненномъ планѣ. Принципы этихъ двухъ людей, лежавшіе въ обычномъ, трезвомъ состояніи на днѣ души, отягощенные необходимостью счетовъ съ реальностью, проявились отчетливо и рѣзко на фонѣ психики, освободившейся (подъ вліяніемъ алкоголя) отъ множества тѣневыхъ пятенъ, обусловленныхъ среднимъ состояніемъ личности между источникомъ свѣта (реальностью) и экраномъ (истинной натурой). Алкоголь смылъ съ экрана большую часть тѣневыхъ окрасокъ и далъ, въ силу этого, возможность проецировать съ большой ясностью истинный діапозитивъ душевной конституціи. Въ итогѣ гибель двухъ людей; убиты оба и каждый изъ нихъ убилъ другого тѣмъ же самымъ орудіемъ: страхомъ собственнаго уничтоженія, борьбой за личность и ея безсмертіе. Ивановъ умеръ физически и душевно, въ Миропольскомъ же уничтожена жизнь личнаго «я».

Въ этихъ немногихъ словахъ я, конечно, далекъ отъ возможной мысли разрѣшить разностороннюю проблему алкоголизма. Я высказалъ лишь тѣ схематическія предположенія, которыя, быть можетъ, смогутъ внести частичное психологическое освѣщеніе затронутаго вопроса.

Замѣтка о «нормальномъ» и «ненормальномъ».

(Схема).

Ю. В. Каннабиха.

Самыя различныя отрасли знанія, вплоть до соціологіи, заняты разсмотрѣніемъ и изученіемъ нормальныхъ и ненормальныхъ явленій. Казалось бы, что содержаніе понятій о нормальномъ и ненормальномъ установлено болѣе или менѣе точно. Оказывается однако, что едва ли найдутся другія понятія столь не точныя, неопредѣленныя и расплывчатыя. Съ этой точки зрѣнія представляется небезынтереснымъ попытаться дать логическое опредѣленіе того, что называть нормой и что называть аномаліей. Каковъ тотъ критерій, при помощи котораго мы, сознательно или безсознательно, прилагаемъ къ изучаемымъ явленіямъ тотъ или иной изъ названныхъ предикатовъ?

Enrico Ferri разсказываетъ: однажды проф. Lombroso при мнѣ получилъ телеграмму, содержавшую всего одинъ вопросъ: что такое нормальный человѣкъ? Телеграмма была

отправлена редакціей «New-Iork-Herald», и отправители съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта Lombroso. Они, вѣроятно, были крайне разочарованы этимъ отвѣтомъ, ибо, вмѣсто диѳирамба біо-соціологическимъ добродѣтелямъ нормальнаго человѣка, знаменитый ученый опредѣлилъ его приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: человѣкъ, обладающій хорошимъ аппетитомъ, порядочный работникъ, эгоистъ, рутинеръ, терпѣливый, уважающій всякую власть, домашнее животное...

Съ сущностью такого опредѣленія согласенъ и Enrico Ferri. «Нормальный человѣкъ», говоритъ онъ, «похожъ на готовое платье, продаваемое большими магазинами». «Нормальные люди служатъ продолженіемъ рода человѣческаго и передаютъ потомству изъ поколѣнія въ поколѣніе традиціонные взгляды и предразсудки».

Согласно этому опредѣленію все, неподходящее подъ среднюю мѣрку—ненормально. Ненормаленъ красавецъ-атлетъ, лучшій образчикъ вида homo sapiens, который, не находя для себя готоваго платья, вынужденъ шить на-заказъ. И въ одинаковой степени ненормальны атлеты ума и воли, неудовлетворенные готовыми формулами традиціонной мысли и прокладывающіе новые пути, всѣ живущіе «для того, чтобы познавать, и кто хочетъ познавать,—для того, чтобы, наконецъ, появился Сверхчеловѣкъ».

Enrico Ferri относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ культу «нормальнаго». «Излечить человѣчество отъ этого культа, говоритъ онъ, крайне трудно, ибо оно изъ поколѣнія въ поколѣніе поклонялось «нормальному» и только временами отдавалось во власть новымъ теченіямъ, «эпохѣ возрожденія» и другимъ подобнымъ проявленіямъ развитія и торжества «ненормальныхъ людей», сбрасывающихъ съ себя гнетъ однообразія и рутины»...

Смыслъ отвѣтной телеграммы Lombroso и всѣ разсужденія Ferri основаны на одномъ недостаточно выясненномъ недоразумѣніи, возникающемъ всякій разъ при попыткѣ затронуть вопросъ о нормальномъ и ненормальномъ.

Lombroso и Ferri отождествляютъ нормальное и среднее; они смѣшиваютъ два понятія, совершенно разнородныхъ по существу; называютъ ненормальнымъ все, уклоняющееся отъ средняго типа, все исключительное, рѣдкое, недюжинное; нормальнымъ — все среднее, типическое, обычное, повседневное. Это—чисто количественный кри-

терій, въ основѣ котораго лежитъ простой ариѳметическій подсчетъ, отысканіе средне ариѳметическаго, разсмотрѣніе «большихъ чиселъ». Это—критерій статистическій.

Однако критерій статистическій для установленія логическихъ понятій нормы и аномаліи оказывается совершенно неудовлетворительнымъ. Духовная организація Гете — явленіе исключительное; духовная организація Джэка-потрошителя—явленіе тоже исключительное. Статистическій критерій нормы и аномаліи съ легкимъ сердцемъ помѣщаетъ въ одну и ту-же группу геніальнаго поэта и душевно-больного преступника. Между тѣмъ даже въ дешевыхъ паноптикумахъ для такихъ типовъ, какъ Джэкъ-потрошитель отводится особая комната, и не тамъ стоитъ изображеніе Гете. Неправиленъ тотъ критерій, при примѣненіи котораго глубоко разнородныя явленія оказываются въ одной и той же группѣ.

Статистическій критерій «нормальнаго и ненормальнаго» заставляетъ считать нормальными множество такихъ явленій, противъ самаго существованія которыхъ мы энергично и настойчиво протестуемъ. Высокій коэффиціентъ дѣтской смертности въ Россіи, или цифра, выражающая народное пьянство,— вотъ образчики статистической нормы. Но мы не хотимъ этихъ «нормъ», мы мечтаемъ объ иныхъ цифрахъ... Статистика занимается исчисленіемъ фактовъ дѣйствительности и приведеніемъ ихъ въ причинную связь; это одинъ изъ вспомогательныхъ методовъ индукціи. И только. Статистическія (количественныя) нормы не суть настоящія (качественныя) нормы. Обѣ эти нормы могутъ совпадать въ данной конкретной дѣйствительности. Но могутъ и не совпадать. Сама дѣйствительность можетъ быть ненормальна. Понятіе нормальнаго содержитъ въ себѣ болѣе важную и высокую оцѣнку, чѣмъ оцѣнка количественная. Статистическій критерій не есть исчерпывающій критерій нормальнаго и ненормальнаго. И не будучи таковымъ, онъ неизбѣжно приводитъ къ путаницѣ понятій и серьезнымъ недоразумѣніямъ. Въ его освѣщеніи—ужасающая дѣтская смертность въ Россіи—норма, а творчество Гете—аномалія. Необходимо отыскать логически-точный качественный критерій нормальнаго и ненормальнаго.

Ко всѣмъ ли явленіямъ міра позволительно прилагать предикаты нормальнаго или ненормальнаго?

На свѣтѣ много явленій, съ точки зрѣнія статистики — исключительныхъ. Даже среди явленій астрономическихъ,

есть—повседневныя, среднія, ходовыя, и неповседневныя, особенныя, исключительныя. У Марса—два спутника, миніатюрныхъ до смѣшного: Фобосъ имѣетъ въ діаметрѣ $11^1/_4$ верстъ, а Деймосъ $9^1/_3$. На первомъ едва помѣстился бы Петербургъ, на второмъ—Москва. Но самое замѣчательное въ нихъ это—быстрота движенія. Фобосъ въ теченіе Марсовыхъ сутокъ успѣваетъ $3^1/_2$ раза обѣжать вокругъ него, значитъ—обладаетъ скоростью превосходящей значительно скорость вращенія самой планеты. Нигдѣ въ цѣломъ извѣстномъ намъ мірѣ не повторяется подобный казусъ, противорѣчащій гипотезѣ мірозданія Laplace'a. Lombroso и Ferri должны бы признать обоихъ спутниковъ Марса—явленіями глубоко ненормальными. Но, конечно, никто не станетъ прилагать къ астрономическимъ фактамъ предикатовъ «нормальное и ненормальное».

Не знаетъ этихъ понятій и физика. Не знаетъ и химія. Какъ ни исключителенъ радій, онъ вступилъ полноправнымъ членомъ въ систему химическихъ элементовъ, и его чудесныя свойства заняли подобающее мѣсто въ общей цѣпи причинъ и слѣдствій, изучаемыхъ наукой о веществѣ. Химическіе элементы въ сочетаніи съ понятіями о нормальномъ и ненормальномъ—это звучитъ дико. Ни въ минералогіи, ни въ геологіи,—нигдѣ въ наукахъ объ неорганической природѣ—мы не встрѣчаемся съ названными понятіями. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ наукъ пользуются вѣдь и статистикой. Регистрируются въ цифрахъ землетрясенія, изверженія вулкановъ, метеорологическія явленія. И немало изъ отмѣченныхъ величинъ оказываются какъ выше, такъ и ниже ариѳметической средней. Но о нормахъ и аномаліяхъ не возникаетъ рѣчи. Значитъ логическая сущность этихъ понятій лежитъ внѣ предѣловъ голой статистики, кроется въ чемъ то иномъ.

Науки о природѣ неорганической не знаютъ качественныхъ оцѣнокъ. Но въ прикладныхъ наукахъ такія оцѣнки имѣются. Человѣкъ строитъ безчисленнаго рода машины, долженствующія удовлетворять всевозможнымъ потребностямъ техники. Воздвигаетъ зданія, роетъ каналы, перекидываетъ мосты. Никто не говоритъ о нормальныхъ и ненормальныхъ машинахъ, домахъ и т. д. Если данный локомотивъ не способенъ развить требуемой скорости, непрестанно ломается на серединѣ пути, если сквозь крышу дома льется дождь и полы проваливаются—мы оцѣниваемъ эти недостатки, какъ результаты нецѣлесообразной конструкціи локомотива и нецѣлесооб-

разной архитектуры дома. Свойства локомотива оцѣниваются качественно примѣнительно къ тѣмъ цѣлямъ, которымъ служатъ локомотивы вообще. Оцѣночное сужденіе, высказываемое по отношенію къ такому плохому механизму, носитъ такимъ образомъ телеологическій характеръ. Ошибка строителя заключалась въ томъ, что онъ не въ достаточной степени приспособилъ или котелъ, или поршни, или другія части машины къ давленію пара, діаметру и тяжести колесъ и т. д. Получился локомотивъ, неприспособленный къ дѣлу, нецѣлесообразно построенный и потому рано или поздно осужденный на сломъ.

Мы не можемъ говорить о ненормальныхъ планетахъ, ненормальныхъ газахъ, ненормальныхъ землетрясеніяхъ, ненормальныхъ машинахъ и т. д. Но о нецѣлесообразно построенныхъ живыхъ машинахъ мы говоримъ, какъ о ненормальныхъ. Слова нормальный и ненормальный впервые попадаютъ въ человѣческій лексиконъ, когда открываются первыя страницы, посвященныя явленіямъ жизни.

Мы говоримъ о нормальномъ строеніи живого тѣла, говоримъ объ аномаліяхъ органовъ; установлено понятіе объ анатомической нормѣ и анатомической аномаліи. Организмъ животнаго или человѣка представляется намъ сложнымъ механизмомъ и объ его функціональныхъ достоинствахъ или недостаткахъ мы произносимъ оцѣночное сужденіе. Организмъ можетъ быть построенъ цѣлесообразно или нецѣлесообразно. Въ классѣ жизненныхъ явленій понятіе нормы—тождественно съ понятіемъ цѣлесообразнаго, понятіе аномаліи—съ понятіемъ нецѣлесообразнаго. Критерій нормы и аномаліи—телеологическій. Цѣль—жизнь: наивозможно большая продолжительность, наибольшая полнота, наивысшее совершенство жизни, т. е. наиболѣе совершенное приспособленіе организма къ окружающей средѣ и наивозможно большая способность организма приспособлять эту среду къ себѣ.

Monstra per defectum, per excessum и другія monstra описываемыя въ тератологіи, не потому ненормальны, что они встрѣчаются рѣдко (количество, статистика!), а потому, что они нецѣлесообразно устроены (качество!) и въ этой нецѣлосообразности таятъ зародышъ своей нежизнеспособности. Если бы въ какой-нибудь странѣ изъ года въ годъ на 100 рожденій падало бы 80% рожденій безголовыхъ уродовъ,—то

эти 80% составляли бы статистическую норму и одновременно съ этимъ біологическую аномалію. Нормальное и ненормальное—понятія телеологически—оцѣночныя. А цѣлью является жизнь.

Какъ отдѣльныя, обособленныя чистыя понятія, статистическая (количественная) и телеологическая (качественная) нормы не имѣютъ между собой ничего общаго. Гете рѣзкая статистическая аномалія, и Гете—высшая телеологическая норма. Онъ жилъ 82 года всей полнотой, широтой и богатствомъ внѣшней и внутренней жизни; былъ прекрасенъ тѣломъ и душой; и не только жилъ самъ, но и умножилъ духовную жизнь на землѣ (продукты творчества генія, ихъ динамогенное вліяніе на степень психическаго напряженія современниковъ и потомковъ).

Все изложенное на предыдущихъ страницахъ позволяетъ съ желательной краткостью намѣтить понятія о физіологической, психологической, соціологической и другихъ нормахъ и аномаліяхъ.

Достаточно будетъ намекнуть на болѣзнь какъ синонимъ физіологической аномаліи, т. е. такой процессъ, который въ конечномъ итогѣ уменьшаетъ, понижаетъ, искажаетъ возможную полноту и амплитуду жизни. Болѣзнь—нецѣлесообразный процессъ, результатъ недостаточной приспособленности организма къ средѣ и недостаточной способности организма приспособлять среду къ своимъ нуждамъ. Въ конечномъ итогѣ—гибель. Психологическая норма? Цѣлесообразное взаимодѣйствіе цѣлесообразно развитыхъ интеллекта, эмоціональности и суммы влеченій въ цѣляхъ наилучшаго приспособленія и къ органической и надъ-органической средамъ и наибольшей силы активнаго приспособленія послѣднихъ къ себѣ, въ цѣляхъ наибольшей полноты и амплитуды внутренней жизни.

Слабый интеллектъ, интеллектъ, продуцирующій бредъ; тупая или чрезмѣрная, вообще, неадэкватная дѣйствительному положенію вещей эмоціональность; импульсивная, вялая, или извращенная воля; и какъ результатъ такого нецѣлесообразнаго строенія или нецѣлесообразнаго сочетанія—недостаточность приспособленія, недостаточность приспособляющихъ силъ, конфликтъ съ реальностью и огромный рискъ пораженія, боль, страданіе, неудовлетворенность, безнадежность,

внутренній конфликтъ—психоневрозъ или психозъ, и въ конечномъ итогѣ гибель личности, какъ таковой и гибель ея, какъ динамогеннаго фактора для окружающихъ, для близкихъ, дальнихъ и самыхъ дальнихъ, еще не пришедшихъ на смѣну.

Общественно-экономическія и юридическія нормы и аномаліи? И здѣсь качественно-телеологическій критерій безъ труда выдѣлитъ въ группу нормальнаго все то, что повышаетъ, совершенствуетъ и осчастливливаетъ жизнь общества, какъ цѣлаго,—и въ группу ненормальнаго все то, что понижаетъ, портитъ и отравляетъ ее. (Пьянство, преступность, проституція, смертная казнь, отсталое законодательство и т. д.). Въ результатѣ общественно-экономическихъ и юридическихъ ненормальностей—пониженіе сопротивляемости даннаго общества или государства по отношенію къ внѣшней средѣ (т. е. другимъ подобнымъ общественнымъ и государственнымъ группамъ) и въ конечномъ итогѣ—гибель.

Понятіе о нормальномъ и ненормальномъ рождается отъ соприкосновенія съ жизнью и сопровождаетъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, физическихъ и духовныхъ. И нерѣдко даже преждевременно гибнетъ жизнь индивидуума, но эта гибель нормальна, если въ конечномъ итогѣ усиливается амплитуда общей жизни. Мученики вѣры, науки и совѣсти, добровольно давая угаснуть своимъ слабымъ свѣтильникамъ, зажигаютъ пламя въ вѣкахъ. Джордано Бруно погибъ на кострѣ. Конечно, онъ былъ неприспособленъ къ своей средѣ, онъ слишкомъ «любилъ истину, онъ хотѣлъ создавать что-либо выше себя», не хотѣлъ быть «отливомъ волны», но жилъ для познанія и хотѣлъ познанія для того, чтобы нѣкогда жилъ сверхчеловѣкъ.

Здѣсь мы близко подходимъ къ вопросу объ этически-нормальномъ и этически ненормальномъ. Этически-положительное также обусловлено избыткомъ жизненныхъ силъ и обусловливаетъ въ свою очередь дальнѣйшій ростъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Избранныя натуры, тѣ, безъ которыхъ «изсякла-бъ нива жизни», не удовлетворяются элементарной борьбой за личное существованіе, не инстинктъ самосохраненія руководитъ направленіемъ ихъ дѣятельности, не воля къ органической жизни, а воля къ высшей власти и къ духовнымъ цѣнностямъ. «Въ человѣкѣ соединены и творецъ и твореніе, въ человѣкѣ—матерія, обломоки, безуміе, хаосъ, но въ человѣкѣ заключенъ и творецъ, ваятель, твердость молота, божественное созерцаніе въ седьмой день»...

Этически нормаленъ—человѣкъ-творецъ, который по выраженію Emmerson'a «чтитъ свою душу» и которому доступно, по вышеприведенному афоризму Ницше, «божественное созерцаніе въ седьмой день». «Другихъ цѣлей, кромѣ великихъ людей и великихъ дѣлъ, человѣчество не имѣетъ», говорилъ тотъ же мыслитель. Великіе люди и великія дѣла усиливаютъ амплитуду жизни. И потому мы называемъ этическую дѣятельность—нормой, а антиэтическую—аномаліей.

Все вышеизложенное представляетъ собой схематическую попытку установить телеологическій критерій нормальнаго и ненормальнаго, выяснить его существенное отличіе отъ критерія статистическаго и указать на то, что смѣшеніе того и другого критерія и является причиной той повседневной путаницы, которая возникаетъ всякій разъ, когда затрагивается вопросъ о нормальномъ и ненормальномъ. Можно замѣтить кстати, что упомянутая путаница легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оба критерія—статистическій и телеологическій нерѣдко въ реальной дѣйствительности совпадаютъ между собой. Мы не станемъ распространяться объ этомъ. Ясно, что индивидуумы, удовлетворяющіе телеологической нормѣ, тѣмъ самымъ оказываются большею частью приспособленными къ средѣ, побѣждаютъ въ борьбѣ за существованіе, выживаютъ; и выживая, въ большемъ количествѣ заполняютъ собой рубрики большихъ чиселъ, устанавливаемыхъ статистикой. Но это не избавляетъ отъ необходимости строго различать оба понятія.

Было бы большимъ недоразумѣніемъ возражать противъ телеологическихъ нормъ, основываясь на принципахъ дарвиновскаго ученія. Дарвинизмъ отвергаетъ телеологію, какъ наивный методъ объясненія существующаго. Но тотъ же дарвинизмъ снова возвращается къ телеологіи, такъ какъ согласно его основамъ наиболѣе приспособленными, наиболѣе совершенными являются именно тѣ организаціи, которыя могутъ быть съ успѣхомъ измѣрены масштабомъ цѣлесообразности. Въ этомъ пунктѣ мы сошлемся на авторитетъ Зигварта.

Все живое стремится къ жизни. Оно неуклонно, безостановочно, упрямо, сознательно и безсознательно, слѣпо и зряче идетъ къ жизни, любитъ ее, совершенствуетъ ея формы,

хочетъ создать живой міръ, передъ которымъ можно было бы «преклонить колѣна». И оцѣниваетъ все живое соотвѣтственно тому, по скольку въ немъ содержится живая энергія роста и совершенствованія. Таящее зародыши жизни—есть норма, зародыши смерти—аномалія.

Кому нужно это безостановочное теченіе, это гераклитовское *πάντα ῥεῖ* все впередъ и впередъ къ безконечному невѣдомому предѣлу? Ignoramus! И обидно, что приходится добавить: ignorabimus.

Кантъ объ отношеніяхъ половъ.

P. Schrecker.

Въ «Антропологіи въ прагматическомъ отношеніи», единственномъ произведеніи Канта, содержащемъ исчерпывающее изложеніе психологіи представленій, встрѣчается цѣлый рядъ выраженій, доказывающихъ, что онъ своей психической мотивировкой, если не разгадалъ, то въ главныхъ чертахъ правильно понялъ конкретное отношеніе мужчины и женщины другъ къ другу.

Какъ извѣстно, Кантъ раздѣляетъ страсти (въ настоящее время мы не дали-бы этого названія всему тому, что онъ имъ обозначаетъ) на прирожденныя и благопріобрѣтенныя культурой. Къ первымъ относится стремленіе къ свободѣ и половое влеченіе, ко вторымъ—честолюбіе, властолюбіе и корыстолюбіе. Если мы поищемъ общее названіе этой «благопріобрѣтенной» троицѣ (какъ она пріобрѣтается—постановка и отвѣтъ на этотъ вопросъ у Канта не ясны), мы сейчасъ же наткнемся на Ницшевское «Willen zur Macht»—«волю къ власти», и съ тѣмъ большимъ правомъ, что она связана не «съ бѣшеннымъ безуміемъ аффекта, но съ упорствомъ и устойчивостью максимы, составленной для извѣстной цѣли» [1]).

Эти страсти составляютъ поэтому руководящую линію къ достиженію «извѣстныхъ цѣлей». Такъ какъ честолюбіе, властолюбіе и корыстолюбіе являются «вожделѣніемъ человѣка къ человѣку», они становятся не только посредственнымъ или непосредственнымъ орудіемъ власти надъ ближними, но, такъ какъ три страсти направлены на обладаніе нужными средствами для удовлетворенія всѣхъ склонностей, которыя

[1]) Кантъ. Антропологія. Пер. Н. М. Соколова, стр. 132. Н. В.

непосредственно касаются цѣли» [1]), то онѣ пользуются и прирожденной жаждой свободы и половымъ влеченіемъ для достиженія своей цѣли. При этомъ подъ стремленіемъ къ свободѣ, по объясненію Канта, мы разумѣемъ потребность быть по своему счастливымъ и независимымъ. Такъ какъ удовлетвореніе стремленія къ свободѣ въ этомъ смыслѣ уже предполагаетъ власть надъ ближнимъ,—нельзя, очевидно, зависѣть отъ кого нибудь и въ то же время имѣть надъ нимъ власть,—то властолюбіе имѣетъ прежде всего тенденцію пріобрѣсти наибольшую во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельность и независимость отъ воли другого; честолюбіе—наоборотъ, впадаетъ въ зависимость отъ мнѣнія другихъ—на видъ, это трудно разрѣшимая, но очень реальная дилемма; она становится неразрѣшимой, если не поставить вопроса о возникновеніи «благопріобрѣтенныхъ» страстей. Нѣкоторый свѣтъ Кантъ уже бросаетъ на проблемму, когда говоритъ, что властолюбіе «начинается отъ страха, какъ-бы не оказаться во власти другихъ людей, и стремится къ тому, чтобы своевременно захватить власть надъ другими въ свою пользу» [2]). Но раньше Кантъ говоритъ, что честолюбіе есть «притязаніе, предъявляемое всѣмъ людямъ, чтобы они по сравненію съ нами презирали сами себя», и что оно есть неудовлетворенная жажда мести, такъ какъ является «средствомъ для того, чтобы для своихъ цѣлей пользоваться другими людьми», но добивается противоположныхъ результатовъ, такъ какъ отталкиваетъ ближнихъ. Все сказанное показываетъ внутреннее единство властолюбія и честолюбія. Корыстолюбіе тѣсно къ нимъ примыкаетъ, такъ какъ «придаетъ деньгамъ такую силу, что многіе полагаютъ, будто-бы ихъ достаточно для того, чтобы возмѣстить недостатокъ всякой другой силы» [3]), тѣмъ болѣе, что удовлетвореніе корыстолюбія одновременно обнимаетъ собою и удовлетвореніе честолюбія; ибо, по замѣчанію Канта, «большая толпа восхищается человѣкомъ, который обнаруживаетъ такую великую дѣловую мудрость». Еще яснѣе выступаетъ у Канта взаимоотношеніе «воли къ власти» и полового влеченія. Со стороны мужчины отношенія довольно просты, потому что любовь мужчины непосредственно направлена на полное обладаніе возлюбленной, на что указываетъ и ревность. (Тутъ

[1]) Ibid. стр. 134.
[2]) Ibid. стр. 137.
[3]) Ibid. стр. 138.

можетъ, конечно, возникнуть конфликтъ, если властолюбіе и половое влеченіе столкнутся съ стремленіемъ къ свободѣ; но Кантъ объ этомъ не говоритъ и, повидимому, упустилъ это изъ вида).

Иначе обстоитъ дѣло у женщинъ; не смотря на то, что и тутъ вліяютъ тѣ-же страсти, какъ и у мужчины, но такъ какъ силы слишкомъ слабы для того, чтобы властвовать непосредственно, женщина выбираетъ окольный путь. «Что касается посредственнаго искусства подчинять своей власти, говоритъ Кантъ, какъ наприм. искусства женщинъ пользоваться любовью, которую онѣ могутъ внушить къ себѣ мужчинамъ, чтобы распоряжаться ими по произволу, то этотъ случай не подходитъ подъ наше общее заглавіе (т. е. властолюбіе), ибо здѣсь не прибѣгаютъ ни къ какому насилію, но стремятся смирить и оковать своихъ подданныхъ посредствомъ ихъ-же собственныхъ склонностей. Это еще не значитъ, будто-бы женская половина нашего рода свободна отъ склонности властвовать надъ мужскою половиною (было бы справедливо какъ разъ противоположное утвержденіе); но это значитъ, что для этой цѣли онѣ пользуются совершенно другими средствами, чѣмъ мужчины; а именно, ихъ стремленіе основано не на преимуществахъ силы (которая здѣсь и разумѣется въ словѣ властвовать), но на томъ очарованіи, которое будитъ у другой половины склонность повиноваться» [1]). Это означаетъ, что въ любви оба пола желаютъ властвовать, только съ помощью различныхъ средствъ: мужчина съ помощью силы, мужества и своего умственнаго превосходства, женщина—съ помощью того, что ставитъ въ зависимость отъ ея воли счастье мужчины, она «пользуется склонностью къ ней мужчины». Вмѣсто того оружія, которымъ покоряетъ мужчина, женщина пользуется своей малоцѣнностью, какъ «рычагомъ для того, чтобы направлять мужчину и пользоваться имъ для достиженія своихъ цѣлей» [2]).

Несомнѣнно, что женщина можетъ такимъ образомъ удовлетворять свои страсти, пока она въ своей женской роли сохраняетъ равновѣсіе между различными потребностями и способностями. Но это должно измѣниться, если мужъ теряетъ упомянутыя выше качества или если они не имѣютъ уже для жены значенія преимущества, такъ какъ она пріобрѣла ихъ сама, и въ этотъ стадій входитъ культура въ теченіе своего

[1]) Ibid, стр. 137.
[2]) Ibid, стр. 163.

прогрессирующаго развитія. «Если утонченная роскошь поднимается очень высоко, то женщина бываетъ нравственною изъ внѣшняго принужденія и, не скрываясь, высказываетъ свое желаніе, что она больше хотѣла-бы быть мужчиною, ибо тогда она могла-бы имѣть больше простора и больше свободы для своихъ наклонностей; но ни одинъ мужчина не пожелалъ бы быть женщиной» [1]). Въ нашей жизни мы ежедневно видимъ, что женщина стремится къ удовлетворенію своихъ страстей мужскими средствами. То-же самое можно усмотрѣть и во взглядахъ Канта на отношенія половъ, по его «Антропологіи». Если мы поставимъ вопросъ объ отношеніи этого утвержденія, которое установлено чистымъ наблюденіемъ и познаніемъ, къ результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій, то намъ бросается въ глаза поразительное родство съ теоріями Alfr. Adler'a, которыя должны быть приняты нами за новыя подтвержденія. Короткое разъясненіе сдѣлаетъ намъ это еще очевиднѣе.

Никто не можетъ отрицать, что страхъ оказаться во власти рождаетъ желаніе властвовать; наоборотъ, воля къ власти ведетъ прежде всего къ отрицанію всякой зависимости. Такъ какъ женщина, пока она сохраняетъ свою женскую роль, естественно зависитъ отъ мужчины, то, какъ только наступаетъ указанный Кантомъ переворотъ, она начинаетъ чувствовать себя въ этой роли несчастной, малоцѣнной, и, не имѣя возможности измѣнить свою соматическую женственность, въ своихъ дѣйствіяхъ ведетъ себя такъ, какъ будто-бы она была мужчиной, т. е. она начинаетъ примѣнять мужскія средства, прежде всего извѣстную активность и аггрессивность, для удовлетворенія своей воли къ власти (власть и сила для Канта почти равнозначущи, да въ извѣстной степени также и для насъ, хотя сила въ большинствѣ случаевъ является только символическимъ выраженіемъ).

У мужчинъ отношенія сложнѣе. Тутъ дѣйствуютъ двѣ психическія мотивировки: съ одной стороны, мужчина, который не пользуется мужскими средствами властвованія, вслѣдствіе природной или благопріобрѣтенной, тѣлесной или духовной малоцѣнности, сильнѣе подчеркиваетъ свою мужскую роль, т. е. интенсивнѣе развиваетъ активность и аггрессивность, чтобы укрѣпить свое чувство власти надъ ближними. (Такъ назыв. Adler'омъ «мужской протестъ»). Но можетъ также

[1]) Ibid, стр. 166.

быть, что онъ воспользуется женскими средствами для достиженія власти, если это ему покажется выгоднѣе. Съ другой стороны, —во многихъ случаяхъ получается конфликтъ между властолюбіемъ и половымъ влеченіемъ, и мужчина боится потерять свою власть, вслѣдствіе любви, которая его ставитъ въ зависимость отъ женщины; въ этихъ случаяхъ воля къ власти порождаетъ страхъ передъ женщиной. На этомъ-же основывается страхъ передъ мужчиной у женщины, которая недовольна своей женской ролью, и, такимъ образомъ, «мужской протестъ» и «страхъ передъ сексуальнымъ партнеромъ» является результатомъ воли къ власти и прогрессирующаго культурнаго развитія.

Обзоры.

Обзоръ журналовъ.

Приступая два года тому назадъ къ реферированію начавшаго выходить тогда перваго психоаналитическаго журнала —Zentralblatt für Psychoanalyse,—я имѣлъ въ виду прежде всего дать читателямъ возможно больше фактическаго матеріала, извѣстнымъ образомъ освѣщеннаго, и потому поневолѣ мои рефераты были довольно пространны. Послѣднее обстоятельство не позволяло мнѣ въ своихъ рефератахъ поспѣвать за выходившими книжками журнала, и потому въ теченіе этого времени могъ быть реферированъ только первый годъ названнаго журнала.

Теперь, когда читатели нашего журнала имѣютъ предъ собою уже достаточное количество фактическихъ наблюденій, представляется возможной болѣе краткая передача статей казуистическаго содержанія и при томъ только тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ большій интересъ. Главное же вниманіе должно быть направлено на работы обобщающаго характера, и на статьи, хотя бы и казуистическія, но дающія новое освѣщеніе тѣмъ или другимъ клиническимъ фактамъ.

Нынѣшній разъ я дамъ рефератъ только что появившейся первой книжки и новаго журнала—Internationale Zeitschrift für aerztliche Psychoanalyse, къ изданію котораго приступилъ Freud.

Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse. I. Jahrg. H. 1. 1913.

Статья S. Freud'a «Дальнѣйшія совѣты къ техникѣ психоанализа» вмѣстѣ съ предшествующими его

статьями по тому-же вопросу будетъ дана въ переводѣ въ ближайшихъ книжкахъ нашего журнала.

Ernest Jones. «Отношеніе между истеріей боязни и неврозомъ боязни». Рефератъ помѣщенъ ниже въ отчетѣ о Цюрихскомъ Конгрессѣ.

L. Seif. «Къ психопатологіи боязни». Историческій очеркъ развитія ученія о патологической боязни и критика различныхъ теорій. Выводы автора сводятся къ слѣдующему. Патологическая боязнь обусловливается недостаточнымъ удовлетвореніемъ и недостаточнымъ разрядомъ подавленнаго ненормально сильнаго нормальнаго сексуальнаго возбужденія. Она амбивалентна, т. е. представляется какъ защитнымъ средствомъ противъ подавленнаго сексуальнаго libido, такъ и суррогатомъ сексуальнаго удовлетворенія. Способность къ боязни и ея механизмъ имѣютъ корни въ первобытномъ и врожденномъ инстинктѣ страха; она не имѣетъ ничего общаго съ сексуальностью. Ненормально сильная интенсивность явленій боязни обусловливается защитной реакціей, и она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше опасность прорыва въ сознаніе вытѣсненнаго, отщепленнаго отъ сознанія инстинкта. Отъ этого зависитъ и характеръ боязни, какъ угрожающаго, страшнаго. Тѣлесные сексуальные моменты играютъ роль причинъ очень часто, психосексуальные—постоянно, инфантильные сексуальные моменты, повидимому, также не отсутствуютъ. Характерную черту патологической боязни составляетъ связь ея съ женственнымъ мазохистическимъ компонентомъ сексуальнаго инстинкта, которая имѣется въ наличности и при нормальныхъ условіяхъ, а здѣсь представляется усиленной.

Соотвѣтственно современному познанію явленій боязни, измѣняются и взгляды на безнадежность страданія и на возможный терапевтическій эффектъ.

Paul Federn. «Къ анализу садизма и мазохизма. I. Источники мужского садизма». Освѣщеніе вопроса съ точки зрѣнія сексуальной теоріи Freud'a. Въ психоаналитической литературѣ слово «садизмъ» употребляется въ двухъ смыслахъ. Съ одной стороны, «садистическими» неправильно называютъ всѣ жестокія, враждебныя и агрессивныя дѣйствія и побужденія и этимъ вкладываютъ безсознательное сексуальное содержаніе, хотя бы эти побужденія только асексуальной жестокости происходили изъ обыкновенной ненависти и простой борьбы. Съ другой стороны—садизмъ приравнивается къ активнымъ компонентамъ, когда вмѣсто активныхъ компонентовъ говорятъ «садистическіе».

Между садизмомъ и активными компонентами, однако, существуетъ тѣсная связь, и можно отмѣтить, что и въ нормальной зрѣлой половой дѣятельности у мужчинъ имѣются садизмоподобныя побужденія. Они обнаруживаются въ преодолѣніи женщины, въ борьбѣ съ соперниками, въ насиліи, которое рѣдко совершенно отсутствуетъ при дефлораціи. Въ нормѣ эти компоненты относятся къ приготовленію къ сексуальному

акту и переживаются съ чувствомъ предвкушенія удовольствія, которое приходитъ къ нормальному конечному удовлетворенію. Но у нѣкоторыхъ лицъ интересъ центрируется именно на первой части и чувство наслажденія представляется, такъ сказать, сдвинутымъ на другой моментъ.

«Активные компоненты сексуальнаго инстинкта» не идентичны съ садизмомъ, но при посредствѣ своеобразныхъ психическихъ механизмовъ они могутъ превращаться въ садизмъ. Это происходитъ въ періодъ, когда сексуальныя требованія еще не направлены сознательно на полное выполненіе сексуальнаго акта, когда они не ясны, не зрѣлы, аутоэротичны; словомъ, специфическій садизмъ есть явленіе, возникающее, во всѣхъ случаяхъ, въ періодъ до половой зрѣлости, часто въ инфантильный періодъ жизни. Съ развитіемъ половыхъ органовъ пробуждается требованіе coitus'a или его аутоэротическаго эквивалента, но прежде обнаружатся всѣ сложные процессы (тактильные, моторные и секреторные) сексуальнаго стремленія; въ теченіе извѣстнаго времени еще незрѣлый мальчикъ испытываетъ безпредметное активное напряженіе, исходящее отъ penis'a. Изъ этихъ инфантильныхъ незрѣлыхъ активныхъ ощущеній отъ penis'a возникаютъ черезъ безсознательное превращеніе садистическія стремленія.

Объясненіе этому явленію авторъ находитъ черезъ аналогію со взрослыми, страдающими половыми заболѣваніями. Онъ ссылается на рядъ примѣровъ заболѣванія трипперомъ, при чемъ больные видѣли сны садистическаго содержанія, оканчивавшіеся полюціей. У дѣтей также эрекція или раздраженіе гениталій воспалительнымъ процессомъ, глистами (oxyurus) и т. п. вызываетъ въ психикѣ сексуальныя побужденія и фантазіи. Анамнезъ и анализъ какъ нормальныхъ, такъ особенно садистовъ приводитъ къ заключенію, что нѣтъ ни одного мальчика, который въ дѣтствѣ не имѣлъ-бы фантазій садистическаго свойства. Идентификація себя съ разбойниками, героями не лишена этого элемента.

Процессъ садистическаго превращенія протекаетъ безсознательно, такъ какъ субъектъ вдругъ, внезапно открываетъ у себя садистическое извращеніе. Участіе безсознательнаго выдаетъ себя примѣненіемъ символовъ, что сказывается въ особой любви мальчиковъ къ оружію вообще: палка, кнутъ, военное оружіе, орудія всякаго рода, служащія къ преодолѣнію и побѣдѣ. «Инструментъ»—символъ phallus'a и въ сновидѣніи, и въ остротахъ, и въ миоахъ; онъ служитъ выраженіемъ сексуально усиленной активности и символомъ органа. Оружіе и палка—это усиленная рука, а она также нерѣдко является символомъ phallus'a.

Одновременно съ сексуальнымъ инстинктомъ пробуждается и стремленіе видѣть объектъ своихъ дѣйствій обнаженнымъ, откуда и эксгибиціонизмъ ранняго дѣтства. Для многихъ садистовъ характеренъ импульсъ, направленный на на-

сильственное обнаженіе своего объекта. Въ дѣтскомъ стремленіи къ разрушенію игрушекъ, чтобы проникнуть вглубь и посмотрѣть, что тамъ скрыто, еще несознаваемое сексуальное стремленіе проникнутъ penis'омъ въ смутно понимаемый сексуальный объектъ. Въ убійствахъ садистовъ представлены черты дѣтскихъ сексуальныхъ теорій—подкалываніе ножомъ представляетъ замѣщеніе полового акта и его фиксированіе, и проистекаетъ изъ незнанія ребенка дѣйствительныхъ условій сексуальнаго акта и изъ сопротивленія нормальному акту.

Установлено, что боль можетъ вызывать сексуальное возбужденіе и чрезмѣрное усиленіе боли переходитъ въ наслажденіе. Садистическая фантазія проэцируетъ боль во-внѣ, когда она обрабатываетъ подобныя пассивно-альголагническія впечатлѣнія. Жестокость вообще представляетъ явленіе врожденное. При наступленіи активныхъ penis-компонентовъ сексуальное стремленіе мобилизуетъ активныя возможности, такъ какъ онѣ служатъ средствомъ выраженія активности и въ частности жестокости въ сексуальномъ приложеніи. Расположеніе къ жестокости семейно различно. Обыкновенно оно выступаетъ при нашихъ культурныхъ условіяхъ въ видѣ его дериватовъ: жадности къ деньгамъ, суровости, различныхъ страстяхъ, въ выборѣ профессіи и т. д. Если въ такой семьѣ (расположенной къ жестокости) у индивида ненормально рано и сильно разовьется сексуальность, то у него садизмъ долженъ выступить съ ненормально большой силой. Однако, въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ переоцѣнивать значеніе экзогенныхъ факторовъ, въ ущербъ эндогеннымъ.

Подводя итоги, можно сказать, что у всѣхъ людей сексуальный инстинктъ обнаруживается въ незрѣломъ возрастѣ и при томъ садистическимъ образомъ; и взрослый, даже и нормальный, при созерцаніи жестокости можетъ испытывать сексуальныя чувствованія извѣстной силы; садистъ, какъ правило, испытываетъ такія чувствованія и у него одно представленіе о жестокости можетъ первично вызвать сексуальное возбужденіе; у нормальнаго взрослаго переходъ возбужденія отъ сексуальности къ жестокости совершенно задержанъ.

Otto Rank. «Матрона изъ Эфеса», попытка толкованія сказанія о невѣрной вдовѣ,—интересный психоанализъ повѣствованія съ точки зрѣнія сексуальной символики; къ сожалѣнію, онъ мало поддается реферативной передачѣ.

Въ двухъ словахъ содержаніе сказанія такое. Вдова, только что похоронившая любимаго мужа, заливается слезами почью на его могилѣ. Неподалеку солдатъ караулитъ повѣшеннаго. Увидѣвъ огонь фонаря, онъ подходитъ къ вдовѣ и проситъ напоить его. Они идутъ въ ея домъ, тамъ пьютъ и ѣдятъ, а затѣмъ отдаются любовнымъ наслажденіямъ. Возвратившись къ своему посту, солдатъ видитъ, что повѣшенный украденъ. Чтобы спасти возлюбленнаго, вдова предлагаетъ повѣсить на

мѣсто украденнаго трупъ ея мужа, что они и дѣлаютъ. Тутъ солдатъ вспоминаетъ, что у того повѣшеннаго, котораго онъ сторожилъ, не хватало двухъ зубовъ. Вдова влѣзаетъ наверхъ и вышибаетъ у трупа мужа два зуба. Затѣмъ, они удаляются для новыхъ утѣхъ любви [1]).

По толкованію автора, сказаніе въ символической формѣ говоритъ о вѣрности женщины не покойному мужу, а его phallus'у. И разъ мужъ умеръ, т. е. сталъ уже неспособнымъ удовлетворять ее, вѣрность можетъ быть нарушена. Повѣшеніе покойника (мужа) также содержитъ сексуальную символику, такъ какъ, какъ извѣстно, у повѣшенныхъ наблюдается erectio. Выбиваніе двухъ зубовъ (какъ въ итальянскомъ варіантѣ), отрѣзываніе обоихъ ушей (парныхъ органовъ), или носа (какъ въ другихъ варіантахъ) символизируетъ кастрацію, (отрѣзаніе penis'a или testiculorum), т. е. уничтоженіе органовъ, которые стали не нужны.—Психоанализъ содержитъ много литературныхъ ссылокъ, также служащихъ для обоснованія выводовъ автора.

Н. Вырубовъ.

Книга Альфреда Адлера о малоцѣнности органовъ.

Alfr. Adler. Studie über Minderwertigkeit von Organen. Verl. Urban u. Schwarzenberg. Berlin-Wien. 1907. 92 стр.

На страницахъ нашего журнала уже была рѣчь объ интересной книгѣ Alfr. Adler'a—«О нервномъ характерѣ». Тамъ Adler разрабатываетъ главнымъ образомъ чисто психологическую часть своего ученія, а въ этомъ изслѣдованіи, послужившемъ исходнымъ пунктомъ его теоріи, разсматриваются по преимуществу вопросы органической основы неврозовъ. Эта работа Adler'a появилась еще въ 1907 г., и если мы все-таки хотимъ познакомить съ ея содержаніемъ нашихъ читателей, то это обусловливается важностью тѣхъ фактовъ и выводовъ, которые въ ней содержатся.

Проблема, которую ставитъ Adler, близко соприкасается съ вопросомъ о болѣзненной наслѣдственности, но освѣщаетъ послѣдній съ новой стороны.

Гдѣ нужно искать причины и въ чемъ можно найти объясненіе тому, что у даннаго субъекта заболѣваетъ тотъ, а не другой органъ,—такова формулировка вопроса. Предположимъ, что мы имѣемъ передъ собою заболѣваніе почекъ. Для объясненія происхожденія его допустимы три гипотезы. Во-первыхъ, оно можетъ зависѣть отъ «нефротоксическаго» дѣйствія многихъ ядовъ, какъ скарлатина, дифтеритъ и другія

---

[1]) Между прочимъ, эту новеллу подъ заглавіемъ «De muliere voluBile», въ обработкѣ Джованни Серкамби, приводитъ П. Муратовъ въ сборникѣ «Новеллы итальянскаго возрожденія». М. 1912. Стр. 168. Н. В.

инфекціи. Но такое объясненіе непримѣнимо къ цѣлому ряду почечныхъ заболѣваній, и сверхъ того оно оставляетъ непонятнымъ сохраненіе почекъ здоровыми и при поступленіи въ организмъ «почечныхъ ядовъ». Вторая гипотеза— о вліяніи продуктовъ распада, хотя можетъ быть и примѣнима къ объясненію происхожденія большого числа почечныхъ заболѣваній, но мало помогаетъ дѣлу въ отношеніи тѣхъ случаевъ, гдѣ почки остаются неповрежденными, несмотря на наличность нарушеній обмѣна, напр. при алкоголизмѣ, беременности, и т. д. Она не объясняетъ также односторонняго пораженія почки при туберкулезѣ, сифилисѣ, опухоляхъ. Третья гипотеза, которую и развиваетъ въ своемъ изслѣдованіи Adler, это гипотеза о первоначальной малоцѣнности [1]) той или другой системы органовъ; съ помощью ея и объяснимо избирательное пораженіе почекъ во взятомъ примѣрѣ. Изъ такого взгляда на основу страданія проистекаютъ важные выводы въ отношеніи предупрежденія, леченія и предсказанія страданія.

Роль случая при пораженіяхъ малоцѣнныхъ органовъ несравненно меньше, чѣмъ это принято думать. Правильнѣе будетъ утверждать, что обыкновенно, въ болѣе или менѣе тѣсныхъ границахъ, дана детерминація. Примѣръ лучше всего пояснитъ дѣло.

Мальчикъ восьми лѣтъ въ августѣ 1905 г. получилъ поврежденіе перомъ въ коньюнктиву лѣваго глаза, приблизившись къ товарищу, размахивавшему рукой съ перомъ. Ни тотъ, ни другой не могли быть обвинены ни въ злонамѣренности, ни неосторожности. Рана зажила безъ какой либо реакціи. Въ октябрѣ того же года мальчику въ лѣвой же глазъ попалъ осколокъ угля, занесенный вѣтромъ. По удаленіи—въ короткое время заживленіе. Въ январѣ 1906 г. вновь поврежденіе бывшимъ въ употребленіи перомъ при такихъ же обстоятельствахъ, что и первый разъ, и при томъ приблизительно въ то же мѣсто. Быстрое исцѣленіе съ образованіемъ рубца съ чернильной окраской. Можно было бы думать, что это несчастная случайность, но анамнезъ говоритъ слѣдующее. Дѣдъ паціента со стороны матери страдалъ діабетическимъ иритомъ и долго лечился у глазного врача. У матери мальчика было сходящееся косоглазіе, то же самое у его младшаго брата, у котораго, кромѣ того, наблюдалась гиперметропія и пониженіе остроты зрѣнія. Братъ матери страдалъ частыми рецидивами экцематознаго конъюнктивита и сходящимся косоглазіемъ. У паціента полная острота зрѣнія, незначительная гиперметропія, но отсутствіе конъюнктивальнаго рефлекса на обоихъ глазахъ.

Въ этомъ случаѣ нужно принять у мальчика малоцѣнность зрительнаго органа, опредѣляемую наслѣдственностью, заболѣваніями глаза у его родственниковъ, выпаденіемъ конъюн-

[1]) Minderwertigkeit—малоцѣнность, неполноцѣнность; изъ этихъ двухъ обозначеній намъ кажется болѣе правильнымъ первое. Н. В.

ктивальнаго рефлекса и недостаточной, вслѣдствіе этого, защитой глаза.

Можно различать двѣ формы малоцѣнности—морфологическую и функціональную. Есть еще третья форма, которую можно было бы обозначить какъ «относительную»; она обнаруживается при посредствѣ болѣзни и при повышенныхъ требованіяхъ или систематическихъ испытаніяхъ малоцѣнныхъ органовъ. Этой формой настоящее изслѣдованіе интересуется мало.

I. Морфологическая малоцѣнность выражается въ недостаточномъ развитіи формы органа, его величины, отдѣльныхъ частей ткани, отдѣльныхъ клѣточныхъ комплексовъ, всего аппарата или только частей его. Дефицитъ больше всего сказывается въ функціонирующихъ тканяхъ—секреторныхъ, нервныхъ элементахъ, защитныхъ тканяхъ, выводящихъ путяхъ и приводящихъ каналахъ. При благопріятныхъ условіяхъ этотъ недостатокъ зародышеваго и послѣ-эмбріональнаго періода можетъ быть восполненъ усиленіемъ роста и развитія въ позднѣйшей періодъ подъ вліяніемъ жизнедѣятельности. Но зачастую наступаетъ часъ, когда органъ все-таки обнаруживаетъ свою недостаточность, когда онъ не можетъ уже безъ остатка преодолѣвать внѣшнія и внутреннія сопротивленія. Моментъ, въ который прекращается функція, необходимая для жизни, опредѣляется соотношеніями. И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ что иногда малоцѣнные органы не измѣняютъ въ теченіе всей жизни.

Изъ условій морфологической малоцѣнности органа, въ основѣ которой лежитъ, какъ правило, недостатокъ зародышеваго образованія, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Такъ какъ недостатокъ зародышеваго развитія опредѣляется унаслѣдованными или пріобрѣтенными свойствами сперматозоидовъ или зародышеваго яйца, то наслѣдственный характеръ малоцѣнности органовъ выраженъ особенно ясно. Наслѣдственность не всегда выявляется въ морфологическихъ малоцѣнностяхъ одного и того-же органа, но можетъ обнаруживаться также функціональнымъ выпаденіемъ, малоцѣнностью другого органа или случаемъ заболѣванія («относительная» малоцѣнность) въ ряду родственниковъ.

2. Морфологическая малоцѣнность познается нами посредствомъ внѣшнихъ аномалій, до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ наружныхъ признаковъ дегенераціи или стигмъ; они представляютъ собою большею частью не что иное, какъ видимое выраженіе малоцѣнности соотвѣтствующаго органа.

При этомъ, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ быть разслѣдованъ вопросъ о томъ, насколько малоцѣнность распространяется въ глубину органа

3. Наконецъ, о томъ же говоритъ частью множе-

ственная малоцѣнность органовъ, т. е. обнаруженіе дефицита въ образовательномъ матеріалѣ во многихъ органахъ. Отношеніе извѣстныхъ органовъ другъ къ другу должно при этомъ играть роль, начало которой восходитъ еще къ эмбріональному стадію. Въ этихъ случаяхъ, какъ подтверждаетъ опытъ, морфологическая аномалія можетъ быть замѣщена функціональнымъ дефектомъ.

II. Функціональная малоцѣнность выражается въ аномаліяхъ дѣятельности, секреціи и роста. Дѣятельность органа, къ которому предъявлены извѣстныя требованія, проходитъ при повышенныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ требованіяхъ, такъ что въ извѣстномъ пунктѣ организма нужно усиленное состояніе раздраженія для того, чтобы достигнуть хотя бы неустойчиваго равновѣсія. Потрясенія всякаго рода, инфекціи, истощеніе, физическое или психическое напряженіе, нарушеніе теплорегуляціи и т. п. обнаруживаютъ себя большею частью именно въ этомъ мѣстѣ. Легко представить себѣ, что даже и обыкновенныя требованія жизни, культуры, также въ этомъ критическомъ пунктѣ находятъ для себя locus minoris resistentiae—мѣсто наименьшаго сопротивленія.

Наблюденія надъ викарированіемъ симметрическихъ органовъ заставляютъ признать, что тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ этимъ фактомъ, слѣдуетъ высказаться за діагнозъ малоцѣнности. То обстоятельство, что малоцѣнные органы часто обнаруживаютъ усиленную тенденцію къ росту, приводитъ насъ къ допущенію, что именно первично малоцѣнные органы, при извѣстныхъ условіяхъ, предназначены, повидимому, къ тому, чтобы въ теченіе болѣе или менѣе короткаго времени принимать на себя усиленную функцію. Кромѣ извѣстныхъ типовъ, эмфиземы при функціональной малоцѣнности другого легкаго, паренхиматозной струмы съ одной стороны, при атрофіи железы на другой, гипертрофіи одной почки при атрофіи другой и т. д., можно привести въ примѣръ еще лѣвшей (частичный situs viscerum inversus) и викарованіе половинъ центральной нервной системы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что первично малоцѣнный органъ, чрезвычайно часто отстающій въ своемъ развитіи и функціи, если только нѣтъ побужденій къ викарированію, обнаруживаетъ ничтожную работоспособность. Вѣроятно, по этому этотъ органъ иногда остается здоровымъ въ то время, какъ викарирующій заболѣваетъ.

Иллюстрируемъ сказанное примѣромъ. Дѣвушка 23 л., происходитъ изъ туберкулезной семьи. Мать умерла въ раннихъ годахъ отъ tbc, сестра страдаетъ также легочною болѣзнью. Раньше никакихъ значительныхъ заболѣваній. Давно расположеніе къ запору. Блѣдность кожи и слизистыхъ. Язычковый и глоточной рефлексы отсутствуютъ. Весной 1905 г. имѣла кровохарканіе. Въ маѣ 1906 г. въ правой легочной верхушкѣ укороченіе звука и мелкопузырчатые

хрипы при вдохѣ. Разстояніе отъ остистаго отроска 7-го шейнаго позвонка до клювовиднаго отроска справа—18 сант., слѣва—16 сант. Съ дѣтства правая половина грудной клѣтки развита значительно болѣе лѣвой. Дыхательныя экскурсіи справа значительно больше. Въ этомъ случаѣ, очагъ пораженія находится на томъ мѣстѣ, гдѣ была первоначальная малоцѣнность дыхательнаго аппарата, которая опредѣляется наслѣдственностью и обнаруживается морфологическимъ и функціональнымъ состояніемъ. Повидимому, въ такихъ и подобныхъ случаяхъ можно признать, что усиленіе функціи и роста въ въ малоцѣнномъ органѣ можетъ дать толчокъ усиленію расположенія къ заболѣванію, если при этомъ нарушаются извѣстныя условія. Между прочимъ Sorgo и Schick показали, что у туберкулезныхъ на сторонѣ очага чаще наблюдается меньшаго размѣра грудная железа или меньшій околососковой кружокъ, иногда однако же это бываетъ на противоположной сторонѣ.

Вопросъ о малоцѣнности органовъ можетъ быть разсматриваемъ съ различныхъ сторонъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: I. Наслѣдственность. II. Анамнестическія указанія. III. Морфологическіе признаки. IV. Аномаліи рефлексовъ, какъ признакъ малоцѣнности. V. Множественная малоцѣнность органовъ. VI. Роль нервной системы въ ученіи о малоцѣнности. Психогенезъ и основы неврозовъ и психоневрозовъ.

I. Наслѣдственность состоитъ въ наслѣдованіи одного или многихъ малоцѣнныхъ органовъ. Малоцѣнность органа у нисходящаго поколѣнія можетъ обнаруживаться въ самыхъ различныхъ мѣстахъ органа.- Такимъ образомъ потомками наслѣдуются не болѣзни, а малоцѣнные органы.

На рядѣ случаевъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ страданіямъ,—эпилепсіи, туберкулезу, діабету, заболѣванію железъ злокачественными опухолями, и. т. д.,—Adler демонстрируетъ приведенныя положенія и показываетъ, какъ многообразно можетъ выражаться унаслѣдованная малоцѣнность органовъ. При этомъ большею частью можно отмѣтить, что малоцѣнность распространяется не на одинъ органъ, а на цѣлыя системы, напр. дыхателъные пути со всѣми ихъ придатками, весь пищеварительный аппаратъ сверху донизу, лимфатическую систему. Такъ что заболѣванію въ ряду поколѣній съ малоцѣнностью какой-либо системы можетъ, у отдѣльныхъ особей, подвергаться тому или другому заболѣванію та или другая часть этой системы. Тому же закону слѣдуютъ и инфекціи, и при нихъ также угроза встаетъ именно органамъ малоцѣннымъ. Не лишено интереса указаніе Adler'а на извѣстныя соотношенія между карциномами, родимыми пятнами (Naevi), волосатостью и т. п. у смежныхъ поколѣній. Среди многихъ можно упомянуть о слѣдующемъ случаѣ. Мать въ 58 л. возрастѣ заболѣла ракомъ лѣвой груди, дочь обнаруживаетъ сморщиваніе сосковъ на обѣихъ грудяхъ и несмотря на всѣ

старанія оказалась неспособной къ кормленію; сверхъ того у нея оба соска окружены густыми кольцами волосъ. Другая пацієнтка, четыре года страдающая истерическими припадками, около носа имѣетъ пигментированное родимое пятно; мать ея недавно была оперирована по поводу корциномы лѣвой половины верхней челюсти. Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ о сегментарной малоцѣнности въ области верхней челюсти.

II. Анамнестическія указанія состоятъ въ томъ, что въ прошедшемъ у больного, а также у его родителей или родственниковъ, мы находимъ малоцѣнность извѣстныхъ органовъ или системъ. Аномаліи эти, изобличающія малоцѣнные органы, выражаются въ особенности въ видѣ такъ назыв. дѣтскихъ пороковъ и другихъ явленій Сюда относится ночное упусканіе мочи, долго продолжающееся, запоры, рвота, морганіе, скашиваніе глазъ, заиканіе, сосаніе пальца и т. под.

Заслуживаетъ большого вниманія то обстоятельство, что часто морфологическій или функціональный недостатокъ органа обращается въ болѣе высокое развитіе его. Заикающійся мальчикъ Демосфенъ дѣлается величайшимъ ораторомъ Греціи. И до сей поры рѣдко можно встрѣтить большее скопище недостатковъ рѣчи и признаковъ вырожденія въ области рта, какъ у ораторовъ, драматическихъ актеровъ и пѣвцовъ.

Примѣръ. Здоровый мужчина 30 лѣтъ, въ 4—5-лѣтнемъ возрастѣ страдалъ сильнымъ морганіемъ глазъ. Позднѣе этотъ дѣтскій недостатокъ исчезъ совершенно. Въ семействѣ глазныхъ заболѣваній нѣтъ. Его братъ, извѣстный, богатоодаренный художникъ, въ дѣтствѣ отличался особенною чувствительностью глазъ къ свѣту. Семи лѣтъ перенесъ продолжительный лимфатическій конъюнктивитъ. Случай интересенъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Онъ показываетъ, что малоцѣнность органа можетъ существовать безъ особеннаго заболѣванія въ семействѣ. Съ другой стороны онъ указываетъ на болѣе высокое превращеніе малоцѣннаго органа въ глазъ художника.

III. Морфологическіе признаки. Подъ этимъ именемъ разумѣются внѣшнія проявленія такъ назыв. дегенераціи. Они свидѣтельствуютъ о малоцѣнности органовъ, къ которымъ относятся. Такъ, внѣшнія аномаліи уха сочетаются съ страданіями слухового аппарата. Рецидивирующій лишай ушной раковины также служитъ указаніемъ на малоцѣнность органа, такое же значеніе имѣютъ пораженія уха. Классическій примѣръ—Бетховенъ. Моцартъ обладалъ неправильной формы ухомъ. Стигмы со стороны носа, разращенія слизистой оболочки, полипы, аденоиды, аномаліи рта, языка, зубовъ, и т. д., и т. д. стоятъ въ связи съ малоцѣнностью дыхательнаго аппарата и расположеніемъ его къ заболѣваніямъ. Стигмы со стороны рта указываютъ также на малоцѣнность желудочно-кишечнаго канала. Въ этомъ отношеніи важно

указаніе Kertz'a на связь между ангиной и аппендицитомъ, на которые авторъ смотритъ какъ на координированныя заболѣванія одного малоцѣннаго органа. Аномаліи зубовъ должны быть разсматриваемы какъ признаки вырожденія, которымъ соотвѣтствуетъ малоцѣнность пищеварительнаго тракта въ данномъ семействѣ и т. д.

Наконецъ, существуетъ рядъ внѣшнихъ стигмъ, которыя допускаютъ предположеніе о малоцѣнности соотвѣтствующаго органа, именно кожи, но которыя несомнѣнно стоятъ въ интимномъ отношеніи къ сегментально принадлежащимъ къ нимъ внутреннимъ органамъ, такъ что ихъ наличность указываетъ на малоцѣнность сегмента, «сегментальную недостаточность». Такое значеніе имѣютъ родимыя пятна, ангіомы кожи, расширенія сосудовъ и неврофибромы. Слѣдуетъ отмѣтить присутствіе, напр.: родимыхъ пятенъ на кожѣ соотвѣтственно внутренней локализаціи туберкулезнаго процесса въ легкихъ, при страданіяхъ кишечника на извѣстныхъ областяхъ живота и т. п. Два относящихся и сюда примѣра (родимое пятно въ области верхней челюсти и укороченіе соска съ волосатостью его) были уже приведены выше.

IV. Аномаліи рефлексовъ, какъ признаки малоцѣнности. Среди нихъ особенное значеніе имѣютъ нарушенія рефлексовъ со слизистыхъ оболочекъ—глаза, язычка, глотки. Усиленіе или исчезновеніе ихъ представляетъ собою аттрибутъ малоцѣнности органовъ. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія обстоятельства: 1. Эти нарушенія рефлексовъ необыкновенно часто встрѣчаются въ наслѣдственности или выступаютъ тамъ, гдѣ въ наслѣдственности были заболѣванія соотвѣтствующихъ органовъ; 2. Они стоятъ въ такой-же связи съ дѣтскими недостатками, какъ и стигмы; 3. Они встрѣчаются въ сочетаніи со стигмами области рта или гдѣ такія стигмы имѣются въ наслѣдственности; и 4. Они встрѣчаются въ соединеніи съ заболѣваніемъ соотвѣтствующаго органа, или если таковыя заболѣванія имѣются въ данномъ роду.

Нарушенія язычковаго и глоточнаго рефлекса особенно постоянны при малоцѣнности желудочно-кишечнаго тракта, выражающейся разнообразными болѣзнями его. Примѣръ, относящійся къ коньюктивальному рефлексу, былъ приведенъ выше.

V. Множественная малоцѣнность органовъ представляетъ обычное явленіе, и малоцѣнность какой-либо системы, какъ правило, сочетается съ малоцѣнностью другихъ органовъ. Особенно это нужно отмѣтить относительно сексуальнаго аппарата, и можно сказать, что не существуетъ малоцѣнности органовъ безъ сопутствующей малоцѣнности этого аппарата.

VI. Роль центральной нервной системы въ ученіи о малоцѣнности органовъ. Психогенезъ и основы нев-

розовъ и психо-неврозовъ. Въ соприкосновеніи съ окружающей средой малоцѣнность можетъ длительно остановиться на томъ же уровнѣ, ограничиваясь только органомъ или отдѣльными частями его, и достигая извѣстной компенсаціи. Или даже требованія жизни, культуры, могутъ вызывать сверхкомпенсацію, которая прежде всего касается центральной нервной системы. Но если малоцѣнный органъ оказывается неспособнымъ къ компенсаціи, то онъ подъ вліяніемъ внѣшняго міра болѣе или менѣе быстро погибаетъ. Между этими крайними случаями лежитъ рядъ промежуточныхъ и при томъ такихъ случаевъ, гдѣ компенсація удалась не вполнѣ, вслѣдствіе недостатка резервныхъ силъ или преждевременнаго ихъ истощенія. При извѣстныхъ условіяхъ изъ этой группы развиваются неврозы и психоневрозы.

Функціональное и морфологическое образованіе органа и его нервныхъ путей, какъ и при нормальномъ развитіи, частью есть послѣдствіе воспріятія раздраженія, частью результатъ длительнаго стремленія сдѣлать малоцѣнный матеріалъ способнымъ къ дѣятельности. Какъ правило, главное участіе въ этой компенсаціи принимаетъ центральная нервная система, и при этомъ не только физически, черезъ образованіе нервныхъ путей, сочетательныхъ волоконъ, черезъ превращеніе наслѣдственной рефлекторной недостаточности въ повышеніе рефлекторной способности, но прежде всего на психическомъ пути, посредствомъ стремленія особымъ интересомъ къ нему защитить малоцѣнный органъ и предотвратить вредъ сосредоточеніемъ на немъ вниманія.

Дѣтскіе недостатки имѣютъ особое значеніе для оцѣнки малоцѣнности и стремленія къ компенсаціи. Всего яснѣе соотвѣтствующія отношенія выступаютъ въ культурномъ развитіи опорожненія пузыря и кишекъ. У грудного младенца эти функціи совершаются безъ задержки и потому сопровождаются чувствомъ удовольствія, какъ это и бываетъ со всѣми инстинктивными органическими отправленіями. Воздѣйствія среды достаточно, чтобы при полноцѣнномъ органѣ и полноцѣнной психомоторной надстройкѣ функцію пузыря и кишки приспособить къ «моральнымъ» требованіямъ. Дѣтскіе недостатки—это только внѣшнія, воспринимаемыя, явленія приведенной въ движеніе психики и указываютъ на недостатокъ необходимой компенсаціи психомоторной надстройки органа. При нормальныхъ условіяхъ на эту надстройку оказываютъ вліяніе периферическія раздраженія пузыря, прямой кишки, точно также и глаза, уха, кожи, пищеварительнаго и дыхательнаго аппарата, побуждаетъ ее къ продолженію органическаго роста, и этому—при полноцѣнныхъ нервныхъ путяхъ—соотвѣтствуетъ приспособленное къ окружающей средѣ психическое развитіе. Что касается малоцѣннаго органа, то тутъ параллелизмъ въ психофизическомъ развитіи очень часто уступаетъ мѣсто психофизическому контрасту. Психомоторная надстройка малоцѣннаго органа ведетъ непрерывную

борьбу противъ функцій, направляемыхъ наслажденіемъ, и за «моральную миссію» органа. Успѣхъ зависитъ отъ способности къ развитію первоначально малоцѣнной надстройки, отъ врожденной энергіи роста принадлежащихъ сюда клѣтокъ большого мозга и отъ периферическихъ раздраженій, на нихъ воздѣйствующихъ. Для прогресса превоначальная малоцѣнность психомоторной субстанціи должна достигнуть компенсаціи. Эта компенсація очень часто приводитъ къ сверхъ-оцѣнкѣ органа, къ сверхъ-оцѣнкѣ его психомоторной надстройки.

Компенсаторная сверхъ-оцѣнка можетъ быть полной; тогда повышенныя психическія и физическія отношенія и ихъ ассоціаціи обогатятъ всю психику, но вмѣстѣ съ тѣмъ и охарактеризуютъ. Съ этой точки зрѣнія становится возможнымъ пониманіе выдающихся и геніальныхъ способностей и вмѣстѣ съ тѣмъ уясненіе предварительныхъ условій, которыя весьма часто опредѣляютъ выборъ профессіи или особыя склонности и свойства. Выше уже упоминалось о дегенеративномъ ухѣ Моцарта, о болѣзни ушей Бетховена, о дѣтскомъ недостаткѣ въ развитіи рѣчи у Демосфена. Можно еще указать, что Моисей, народный ораторъ и вожакъ, имѣлъ «тяжелый языкъ». Галлюцинаторныя явленія въ психозѣ Шумана указываютъ на усиленіе и сверхкомпенсацію психической надстройки уха, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякая галлюцинація, говорятъ о неудавшихся психическомъ преодолѣніи и психофизической гармоніи.

Но что же случается, если компенсація не удается, если въ силу физической необходимости— съ одной стороны, недостаточности органа, съ другой—давленія жизни и культуры— возникающее психическое стремленіе попадаетъ на непригодный матеріалъ, если компенсація останавливается на полпути? Такія психофизическія отношенія естественно создаютъ состояніе высокаго психическаго напряженія, которое приводитъ къ тому, что носители такихъ напряженій не въ состояніи переносить сколько нибудь повышенныхъ требованій. Они страдаютъ при малѣйшихъ жизненныхъ затрудненіяхъ, при страхѣ и возбужденіи, при всѣхъ аффектахъ, непроизвольными отправленіями пузыря и кишекъ, вновь обрѣтаютъ дѣтскіе недостатки, съ которыми справились съ такимъ трудомъ, и обнаруживаютъ явленія повышенной рефлекторной дѣятельности, они заикаются, ихъ рветъ, они смѣются, плачутъ, рвутъ на себѣ волосы, косятъ при смотрѣніи на носъ, моргаютъ глазами и т. п.

Дальнѣйшія мысли о малоцѣнности психики и проявленіяхъ ея при различныхъ условіяхъ развиты Adler'омъ, какъ указано выше, въ капитальной работѣ «О нервномъ характерѣ», упомянутой вначалѣ; настоящая же работа резюмируется слѣдующими положеніями: всѣ явленія неврозовъ и психоневрозовъ сводятся на малоцѣнность органовъ, на степень и родъ не вполнѣ удавшейся центральной компенсаціи и на наступающія разстройства компенсанціи.

Н. Вырубовъ.

Рецензіи.

В. Н. Лихницкій. Психотерапія и психоанализъ. Библіотека журн. «Терапевтическое обозрѣніе». Одесса—Москва. 1912. 78 стр.

Книжка содержитъ три очерка, посвященныхъ основнымъ теоріямъ и системамъ психотерапіи: раціональной психотерапіи по Dubois, леченію трудомъ (Arbeitstherapie) и психоанализу Freud'a. Несмотря на небольшой объемъ, въ который автору пришлось вложить свои описанія, книжка даетъ хотя и краткое, но вполнѣ точное и ясное изложеніе разсматриваемыхъ психотерапевтическихъ методовъ и потому можетъ быть рекомендована для первоначальнаго ознакомленія съ предметомъ.

Н. Вырубовъ.

С. А. Сухановъ, прив.-доц. Патологическіе характеры. (Очеркъ по патологической психологіи). СПБ. 1912. 380 стр.

Въ рядѣ живо написанныхъ очерковъ авторъ даетъ клиническое описаніе пяти слѣдующихъ психопатологическихъ состояній: навязчивыхъ мыслей, истеріи, патологическаго резонерства, психики эпилептиковъ и циклотиміи. Эти состоянія онъ разсматриваетъ, какъ извѣстныя конституціи, «патологическіе характеры». Уже на фонѣ этихъ основныхъ свойствъ личности и обнаруживаются другія болѣе рѣзкія проявленія конституціи въ видѣ болѣе или менѣе длительныхъ и глубокихъ нарушеній и болѣзней психики.

Изложеніе богато иллюстрируется соотвѣтствующими примѣрами и описаніями, главнымъ образомъ изъ собственныхъ наблюденій автора. По своему содержанію, книга доступна и интересна не только для врачей, но и широкихъ круговъ публики; въ ней можно найти освѣщеніе многихъ вопросовъ, относящихся къ нарушеніямъ душевной жизни, съ которыми насъ постоянно сталкиваетъ окружающая жизнь.

Н. Вырубовъ.

Georges Bohn. Die Entstehung des Denkvermögens. (Возникновеніе способности мышленія). Leipzig. 1910. Theodor Thomas. 216 стр.

Лучшей характеристикой этой книги являются заключительныя слова автора въ его предисловіи о значеніи самокритики. Онъ указываетъ на постоянное свое стремленіе слѣдовать Gustav le Bon'y въ той его мысли, что «наибольшій вредъ прогрессу человѣческаго духа наносится распространеніемъ недоказанныхъ гипотезъ, какъ несомнѣнной истины».

Строгая самокритика тѣмъ болѣе пріятна, что данная книга предназначается для широкихъ круговъ читателей. Из-

ложена она интересно и оригинально, ибо въ ней имѣется стремленіе доказать, что способность мыслить не ограничивается только «человѣческимъ» обществомъ, но можетъ быть замѣчена во всемъ животномъ мірѣ. Bohn высказываетъ всестороннее знакомство съ литературой въ этой области, цитируя авторовъ всѣхъ странъ, преимущественно же американскаго ученаго Loeb'a и всю его школу, такъ много работавшую надъ «animal behaviour».

Оригинальна эта книга также и по своему изложенію; короткія фразы и живой темпераментъ автора выгодно отличаютъ ее отъ обычно тяжелаго языка научныхъ книгъ.

Въ книгѣ мы находимъ все новѣйшее въ области психологіи животныхъ, особенно тамъ, гдѣ указывается на способность низшихъ животныхъ реагировать на физическія и химическія раздраженія.

Книга распадается на пять главныхъ отдѣловъ: I. Разнообразныя направленія въ изученіи психологіи животныхъ (историческій обзоръ). II. Критеріи психики. III. Динамика психическихъ явленій. IV. О пріобрѣтеніи привычекъ. V. Критика классическаго понятія—развитія психики. Къ книгѣ приложенъ подробный указатель литературы и полезныя и необходимыя иллюстраціи.

Чтеніе ея можетъ быть рекомендовано всякому, особенно же психологу и психіатру.

Д-ръ Марія Кобылинская (Генуя).

Общества и Съѣзды.

Конгрессъ „Интернаціональнаго Союза медицинской психологіи и психотерапіи".

Цюрихъ 8 и 9 сентября 1912 г.

(*Окончаніе*).

Alfr. Adler.

Повышеніе психической дѣятельности въ гипнотическомъ состояніи.

E. Troemner.

Психологія, какъ наука, основывается на извѣстной однородности психическихъ явленій, которая обнаруживается какъ въ качествѣ сознательныхъ явленій, такъ и въ измѣримости времени реакцій и въ количествѣ работы, напр., при заучиваніи наизусть, при счетѣ и т. д., и которая допускаетъ установленіе среднихъ цѣнностей, несмотря на естественныя разнообразныя колебанія. Значительныя, превышающія нормальную величину уклоненія проявляются при психозахъ, интоксикаціяхъ и гипноидныхъ состояніяхъ, преимущественно въ пониженіи функціональной дѣятельности, и очень рѣдко въ

повышеніи; повышеніе наблюдается только въ сомнамбулическомъ состояніи, напр. обостреніе чувствъ,—объ этомъ говорятъ старыя, случайныя экспериментально не обоснованныя сообщенія. O. Vogt, первый показалъ возможность экспериментально получать одностороннее повышеніе извѣстныхъ психическихъ явленій при помощи внушенія Дѣйствительно, въ гипнотическомъ состояніи можно добиваться поразительнаго повышенія способностей. Какъ я уже докладывалъ два года тому назадъ въ Брюсселѣ, при естественномъ засыпаніи какъ самонаблюденіе, такъ и экспериментъ показываютъ количественное и качественное пониженіе психическихъ способностей, соотвѣтствующее суженію сознанія, напр., времени репродукціи, счета, ассоціативной связи представленій и т. д. Но уже и тогда видны были различія въ индивидуальныхъ предрасположеніяхъ, напр. у одного лица понижалась отчетливость образовъ воспоминаній при наступленіи сомнамбулическаго сна; у другихъ—они ярко освѣщались съ возрастающей интенсивностью. Послѣдніе были вообще легко диссоціабильные люди. Но это явленіе можетъ, однако, самостоятельно обнаружиться при образованіи гипнагогическихъ фантазмовъ.

Я производилъ опыты съ методическимъ повышеніемъ отдѣльныхъ психическихъ функцій у различныхъ лицъ. Именно: I. Порогъ сознанія при различныхъ чувствованіяхъ. II. Отчетливость (чувственная интенсивность) образовъ воспоминанія. III. Возбудимость образовъ воспоминанія. IV. Репродукція при заучиваніи наизусть. V. Быстрота счета. Подвергавшіяся испытанію лица были вообще средняго образованія, ничего не знавшія о цѣли опыта и на интересовавшіяся его результатами. Большинство были невротики, а именно: 2 истерички, 1 эпилептикъ, 1 алкоголикъ, 1 клептоманъ, 6 неврастениковъ съ легкими нарушеніями, напр. головной болью, безсонницей или тикомъ, 2 сексуальныхъ невротика и одно лицо нормальное, но подвергавшееся уже часто гипнотическимъ и псевдоспиритическимъ опытамъ съ другихъ сторонъ. Моя методика соотвѣтствовала методикѣ O. Vogt'a. Я вызывалъ у испытуемаго возможно болѣе глубокій сонъ и затѣмъ пробуждалъ соотвѣтствующую функцію въ наибольшей интенсивностью.

I. Чувства. Я опредѣлялъ порогъ ощущенія зрительныхъ, слуховыхъ и тепловыхъ чувствованій, сначала въ бодрственномъ состояніи, потомъ во снѣ и наконецъ снова въ бодрственномъ состояніи, всегда по нѣскольку разъ и при постоянной провѣркѣ. Для зрительнаго раздраженія я примѣнялъ безшумную, сразу дающую свѣтъ электрическую лампочку, которая горѣла въ теченіе одной секунды, при закрытыхъ у изслѣдуемаго глазахъ, съ покрышкой вдвое сложеннымъ фотографическимъ покрываломъ, и я измѣрялъ разстояніе, на которомъ свѣтъ былъ замѣченъ. Для раздраженія слуха служило паденіе мокраго шарика ваты на тарелку на разстояніи до $1^1/_2$ метра, при чемъ я измѣрялъ высоту паде-

нія. Для теплового раздраженія—лучи безшумной закрытой электрической лампочки на тыльной поверхности руки. Для раздраженія отъ давленія—давленіе падающаго на тылъ руки ватнаго шарика величиной съ булавочную головку; для обонятельнаго раздраженія—медленно приближаемые къ носу пузырки съ различными духами. Методъ раздраженія самъ по себѣ не точенъ. Но чтобы можно было пользоваться имъ въ такой формѣ необходимо сравненіе.

Слѣдующая таблица показываетъ повышеніе чувственныхъ ощущеній при гипнотическомъ состояніи. Первый горизонтальный рядъ—разстояніе отъ источника раздраженія въ сант. у различныхъ лицъ въ бодрственномъ состояніи; второй—въ гипнотическомъ и третій—въ бодрственномъ, послѣ пробужденія.

	Зрѣніе.	Слухъ.	Обоняніе.	Осязаніе.	Теплота.
Бодрств.	0. 0, 0, 5.	15, 25, 20, 4.	1, 5. 2, 5, 8.	5, 5.	5, 30, 45, 10, 35
Гипнот.	30, 150, 160, 150	5, 8, 20, 15.	5, 10, 5, 20, 15	1, 4.	55, 75, 40, 10, 150
Бодрств.	150, 5, 90, 150	10, 15, 20, 4.	7, 7.	4.	30, 55, 45, 50.

	Репродукція 5-значныхъ чиселъ.			Сложеніе 2-значныхъ чиселъ.			
Бодрств.	2, 6.	2, 6.	2, 8.	3.	3, 2.	4, 3.	2, 8.	2, 9.
Гипнот.	3, 4.	2, 8.	2, 8			2, 9.	1, 1.	2, 1.

Числа показываютъ: 1. Что различныя чувства могутъ достигать различныхъ степеней повышенія при несуженномъ сознаніи. Очень не велико повышеніе осязанія и теплового чувства, въ среднемъ въ 2—4 раза, обоняніе—въ 4 раза, острота слуха постоянно въ 3 раза. Чрезвычайное повышеніе было, наоборотъ, въ чувствѣ зрѣнія у отдѣльныхъ лицъ, напр. черезъ свернутый вдвое покровъ зажиганіе свѣта вообще глазомъ не воспринималось, но въ гипнотическомъ состояніи свѣтъ былъ видимъ на разстояніи 160 сант. Даже испытуемые, не отличавшіеся нервностью, воспринимавшіе въ бодрственномъ состояніи свѣтъ на разстояніи 5 сант. черезъ сложенное вдвое сукно, въ сомнамбулическомъ—воспринимали его черезъ сукно, сложенное въ 8 разъ и на разстояніи 150 сант. Такимъ образомъ обнаруживается поразительное повышеніе чувствительности, конечно, при повторныхъ и тщательно поставленныхъ опытахъ.

2. Обнаруживается, что гиперэстезія сохраняетъ въ большинствѣ случаевъ свою силу вполнѣ или частично также и послѣ пробужденія. Такъ что совершается въ извѣстной мѣрѣ какъ будто проложеніе чувственнаго пути.

3. Повышеніе было, конечно, индивидуально чрезвычайно различно. Теплового ощущенія, напр., у 2 лицъ совсѣмъ не появилось, у другихъ—повысилось почти въ 8 разъ.

4. Имѣя въ виду ближайшія возраженія, необходимо отмѣтить, что истеричная особа, подвергавшаяся этимъ опытамъ,

въ этомъ отношеніи была наименѣе внушаема; наибольшей внушаемостью отличалась во всѣхъ случаяхъ одна здоровая дама, представлявшая собою во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпнаго гипнотическаго медіума.

Психологія должна сдѣлать изъ этихъ опытовъ теоретическій выводъ, что такъ наз. острота чувствъ resp. порогъ ощущеній, является устойчивой величиной только при нормальномъ, бодрственномъ состояніи, а при гипнотическомъ подвергается сильному воздѣйствію внушенія.

II. Воспроизведеніе образовъ воспоминанія. Образы воспоминаній при обыкновенномъ состояніи бодрствованія едва носятъ на себѣ тѣнь чувственной окраски. Во время грезъ, экстаза, въ психотическихъ состояніяхъ и при суженномъ сознаніи, они могутъ пріобрѣсти галлюцинаторную отчетливость и красочность. При обыкновенномъ засыпаніи они могутъ подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній образовать гипнагогическія фантазіи. При внушенномъ засыпаніи, особенно у скрыто истеричныхъ и внушаемыхъ лицъ, можно вызвать окрашенные и богатые деталями образы. Данные простые образы воспоминаній выступаютъ тогда при нарастающемъ утомленіи не блѣднѣе, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи, наоборотъ, ярче и подробнѣе.

III. Возбудимость образовъ воспоминаній; особенность, важная для объясненія картинъ сновидѣній. Если я называлъ, напр., цѣлый рядъ простыхъ, конкретныхъ образовъ воспоминаній и отмѣчалъ время, когда испытуемый вполнѣ ясно представитъ себѣ этотъ предметъ (напр. кошку, зонтикъ, розу), то оказывалось, что для развитія наибольшей отчетливости этого образа требовалось въ среднемъ три секунды. Наоборотъ, въ гипнотическомъ состояніи образы воспоминаній всплывали такъ скоро, что я могъ пересчитывать различные ряды съ наивозможной быстротой и образы были ярче, богаче подробностями, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи, въ иныхъ случаяхъ представлялись даже фантастическими. Эти опыты показываютъ намъ, что при диссоціированномъ состояніи сна обнаруживается въ сновидѣніи облегченная, повышенная возбудимость образовъ воспоминанія.

IV. Опыты съ изслѣдованіемъ воспріимчивости (Merkfähigkeit) могли быть проведены, конечно, только относительно слуховыхъ впечатлѣній. Я заставлялъ быстро называть ряды 5—6 значныхъ чиселъ сначала въ бодрственномъ состояніи, затѣмъ во снѣ и отмѣчалъ требовавшееся на это время. Ни у одного изъ 4 испытуемыхъ не было замѣчено повышенія быстроты репродукціи или ея объема.

V. Ассоціативную способность можно, конечно, измѣрять разнообразными способами. Въ обыкновенномъ снѣ и въ гипнотическомъ состояніи она болѣе или менѣе сильно понижена. Нѣкоторыя лица при помощи внушенія обнаруживаютъ повышеніе ея. Проще всего измѣряется процессъ сложенія. Въ 3—4 случаяхъ наблюдалось ускореніе въ сложеніи

двухъ двухзначныхъ чиселъ; въ 2 случаяхъ потребовавшееся количество времени равнялось $^2/_3$ того, что нужно было въ бодрственномъ состояніи; въ 1 случаѣ равнялось даже меньше, чѣмъ половинѣ (см. таблицы). Эти три лица были школьники. Въ опытѣ надъ быстротой ассоціацій при бѣгломъ счетѣ было получено повышеніе въ среднемъ на $^1/_5$. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что элементарная, повидимому, работа, какъ воспріятія чувствъ можетъ давать иногда очень большое повышеніе: наоборотъ, сложная работа, какъ счетъ и заучиваніе наизусть—никакого или очень незначительное. Этотъ фактъ основывается, вѣроятно, на томъ, что сложная психическая дѣятельность не допускаетъ такихъ диссоціацій, какъ элементарная.

Отъ какихъ личныхъ особенностей зависитъ повышеніе дѣятельности, и какъ ее можно объяснить, должны показать дальнѣйшіе опыты. Но и тѣ, которые до сихъ поръ сдѣланы, бросаютъ, конечно, широкій яркій свѣтъ на гипнотическое вліяніе данныхъ лечебныхъ внушеній [1]).

Соотношеніе между неврозомъ боязни—и истеріей боязни.

E. Jones.

Существенная причина всякаго рода состояній боязни заключается въ недостаточномъ психическомъ удовлетвореніи libido. Дѣйствующимъ агентомъ могутъ быть какъ психическія, такъ и физическія явленія. Къ послѣднимъ относятся такіе факторы, какъ воздержаніе, coitus interruptus, и т. д. Къ психическимъ факторамъ принадлежатъ интрапсихическія конфликты съ фиксаціей libido въ инфантильномъ періодѣ. Во всѣхъ случаяхъ психическіе факторы играютъ важную роль, въ нѣкоторыхъ—даже единственную. Физическіе факторы дѣйствуютъ часто совмѣстно, но никогда не вызываютъ невроза боязни самостоятельно. Они чаще выступаютъ при неврозѣ боязни, чѣмъ при истеріи боязни (фобіи и т. под.). Неврозъ боязни долженъ разсматриваться, какъ отдѣльный симптомъ истеріи боязни, послѣдняя является болѣе широкимъ понятіемъ.

О психическихъ причинахъ душевныхъ разстройствъ и понятіи о психогенномъ.

M. Margulies.

Подъ психическими причинами надо понимать общія воспріятія и представленія, которыя вызываютъ возбужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ реактивное внѣшнее проявленіе. Въ области психопатологіи прежде всего важно различать, обусловливаются ли причинные моменты патологическимъ основнымъ процессомъ, при чемъ способъ реакціи можетъ стоять во вполъ-

[1]) Эта статья Trömmer'a появится полностью въ «Archiv. f. d. ges. Psychologie».

нѣ нормальномъ отношеніи, къ воспринятымъ впечатлѣніямъ, или отношеніе нормально воспринятыхъ психическихъ впечатлѣній къ реакціи модифицировано патологическимъ образомъ. Руководящимъ примѣромъ для послѣдняго можетъ быть такъ называемый эмоціональный ступоръ.

Очеркъ развитія понятія о «психогенезѣ»: въ первоначальномъ опредѣленіи Sommer'a требуется три пункта: 1) Наличность характерныхъ симптомовъ. 2) Извѣстное психоневротическое расположеніе, при которомъ обнаруживается ненормально сильная внушаемость. 3) Причинное вліяніе представленій на объективныя тѣлесныя явленія.

Первое требованіе практически условно осуществлено, такъ какъ наши знанія сущности явленій еще полны пробѣловъ. Для дальнѣйшаго, точнаго изслѣдованія проблемы, имѣющаго цѣлью установить дѣйствительный оттокъ явленій въ все возрастающемъ объемѣ и вывести закономѣрныя соотношенія изъ дѣйствительныхъ величинъ, такое условіе признанія только за опредѣленными симптомами роли психическихъ причинъ было бы большой помѣхой. Такимъ образомъ, понятіе значительно расширилось, при чемъ было обращено вниманіе прежде всего на отношеніе къ понятію объ истеріи, постоянно требующему новыхъ охватывающихъ опредѣленій и отграниченій. Выраженіе «психогенныя формы заболѣванія» цѣлесообразнѣе было-бы понимать въ той формѣ, которую даетъ ему Birnbaum: предполагается доступное клиническому изслѣдованію психогенное предрасположеніе, и фактъ, что заболѣваніе вызвано вліяніемъ чувственныхъ возбужденій, тогда какъ картина симптомовъ лишена значенія. Желательно было бы тогда болѣе строгое пониманіе «психическихъ причинъ», требующее дѣйствительно каузальнаго соотношенія между психическимъ воспріятіемъ, дѣйствующимъ, какъ раздраженіе, и болѣзненнымъ разстройствомъ, въ томъ случаѣ, когда разстройство означаетъ реактивное выраженіе возбужденія, полученнаго отъ раздраженія. Точное изслѣдованіе сущности дѣла на практикѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ представляетъ слѣдующія затрудненія: если типичная связь симптомовъ, обычно чисто эндогенныхъ, проявляется при аффективно дѣйствующихъ переживаніяхъ, мы не имѣемъ все же полной возможности установить, какую роль играютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ психическія впечатлѣнія. Наиболѣе допустимымъ было-бы признаніе вліянія ихъ на время возникновенія психоза. Въ извѣстномъ случаѣ вопросъ о томъ, могъ-ли обнаружиться дементный процессъ подъ вліяніемъ эмоціональнаго момента, не можетъ быть рѣшенъ отрицательно, хотя бы мы къ этому принципіально были бы склонны. Часто, повидимому, аффективно дѣйствующіе процессы падаютъ уже на продромальный стадій заболѣванія и не имѣютъ никакого значенія для возникновенія психоза. Путемъ къ выясненію послужитъ, быть можетъ, попытка точно формулировать аффективную цѣнность даннаго явленія для

данной личности. Таково, напримѣръ, выдѣленіе опредѣленныхъ предрасполагающихъ моментовъ, котораго мы можемъ достигнуть при примѣненіи двигательныхъ, сосудо-двигательныхъ и кожно-электрическихъ методовъ измѣренія; точно также при помощи изслѣдованія внутреннихъ соотношеній между связанными съ раздраженіемъ воспріятіями и ассоціативнымъ токомъ представленій и обусловленнымъ этимъ аффективнымъ вліяніемъ раздраженія. Для этого можно пользоваться случайными при гипнозѣ изслѣдованіями и ассоціативнымъ экспериментомъ; заслуживаютъ иногда вниманія и достовѣрныя данныя самонаблюденія. Конечно, при примѣненіи этихъ методовъ могутъ выступить впередъ и предрасполагающіе моменты. Можно ожидать, что діагностика психогеннаго заболѣванія наткнется на случаи, которые при простой оцѣнкѣ симптомовъ безъ разсмотрѣнія вопроса о генезѣ будутъ отнесены къ другимъ извѣстнымъ формамъ. Это можетъ быть поясненно кратко парою примѣровъ и показано, что изъ выясненія каузальной связи между переживаніемъ и разстройствомъ проистекаетъ новый и едва ли не рѣшающій моментъ для прогноза.

О механизмѣ бредовыхъ идей.

v. Maier.

Подъ кататиміей симптомовъ мы понимаемъ воздѣйствіе чувственно окрашеннаго комплекса представленій на болѣзненныя психическія явленія; содержаніемъ такого комплекса бываетъ чаще всего желаніе, опасеніе или амбивалентное стремленіе.

Одна часть патологическаго воздѣйствія чувственно окрашеннаго комплекса принципіально не имѣетъ никакихъ особенностей, а только усиленіе нормальнаго чувственнаго воздѣйствія, открывающее путь однороднымъ ассоціаціямъ и преграждающее противоположнымъ. Эта часть въ принципѣ идентична, такимъ образомъ, съ дѣйствіемъ патологическихъ длительныхъ настроеній при маніакальныхъ и меланхолическихъ состояніяхъ. Въ противоположность этому при кататимическихъ явленіяхъ патологическое вліяніе аффекта не всеобще, оно связано въ какія нибудь ассоціативныя соединенія съ соотвѣтствующимъ чувственно окрашеннымъ комплексомъ идей. Характеръ такихъ ассоціативныхъ соединеній различенъ, смотря по заболѣванію, лежащему въ основѣ (напр. истерія и шизофренія). Такъ какъ кататимическія явленія не связаны съ общимъ аффективнымъ настроеніемъ и вообще касаются только подбора идей и психическихъ функцій, стоящихъ во внутренней связи съ чувственно окрашеннымъ комплексомъ, оставляя остальную психику петронутой, то они ведутъ къ синдромамъ, которые во многихъ отношеніяхъ существенно отличаются отъ синдромовъ общихъ разстройствъ.

Кататимическіе синдромы возникаютъ тогда, когда комплексъ идей имѣетъ настолько сильную чувственную окраску, что логика побѣждается аффектомъ въ тѣхъ пунктахъ, которые стоятъ въ связи съ комплексомъ.

У здоровыхъ равновѣсіе между логикой и аффективностью можетъ быть нарушено, когда аффектъ, окрашивающій отдѣльное переживаніе или цѣлую группу ихъ, временами дѣлается настолько силенъ, что можетъ застигнуть здоровую логику врасплохъ. Но при такихъ обстоятельствахъ воздѣйствіе рѣдко продолжительно: здоровый обычно исправляетъ ошибку, какъ только аффектъ немного потеряетъ свою яркость.

Общее предрасположеніе къ кататимическимъ симптомамъ встрѣчается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда равновѣсіе между аффективностью и логикой нарушено и стрѣлка передвинута въ сторону первой, т. е. съ одной стороны—при слабости интеллекта (типъ а: прирожденная умственная слабость, извѣстные виды паранои, шизофренія), и съ другой стороны – при особенной силѣ аффекта (типъ б: истерія, другіе виды паранои).

Тамъ, гдѣ стоящіе въ связи съ симптомами, аффекты легче даютъ отзвукъ, кататимическіе синдромы перемѣнчивѣе (истерія); при большей напряженности аффекта тотъ-же самый комплексъ въ сходной констелляціи дѣйствуетъ продолжительнѣе и шире, вслѣдствіе чего синдромы должны получить не только длительность, но и тенденцію къ дальнѣйшему развитію и расширенію.

Кататимическій психозъ par excellence, безъ примѣси другихъ болѣзненныхъ явленій, это—параноя Kraepelin'a. Это не единая болѣзнь, но симптоматологическій и основанный на теченіи типъ болѣзни. Все вышеуказанное дѣлаетъ понятнымъ, что могутъ быть различныя предрасположенія, по которымъ болѣзнь можетъ развиваться (см. выше типы а и б.); исходы также могутъ быть различны. Причины симптомовъ имѣютъ то общее, что аффективность можетъ преодолѣть логику и что аффективность отличается большой напряженностью; при этомъ кататимическіе симптомы съ полной убѣжденностью проэцируются во внѣшній міръ.

Встрѣчаются пограничные случаи паранои, при которыхъ систематизація кататимическаго бредо-образованія неполная или допускающая возможность исправленія (абортивная система бреда на почвѣ психопатіи, случаи съ истерическимъ типомъ теченія).

Встрѣчаются случаи кататимическаго бредо-образованія у дебильныхъ и имбецилловъ (въ описываемыхъ случаяхъ какъ осложненіе тяжелой психической травмы): имбецильность съ кататимическими симптомами. Въ отличіе отъ паранои бредо-образованіе послѣ нѣкотораго времени остается стаціонарнымъ; можетъ также наступить исправленіе, выраженныя истерическія явленія отпадаютъ, галлюцинаціи чаще, но безсодержательнѣе, какъ большею частью

бываетъ при шизофреніи. Генезисъ этихъ состояній, такимъ образомъ, принципіально не отличается отъ паранои; но въ соотвѣтствіи съ почвой, на которой развивается синдромъ, образованіе симптомовъ имѣетъ иное развитіе; аффектамъ особенно не хватаетъ необходимой для возникновенія паранои упорности. Всюду, гдѣ психогенный элементъ выражается въ кататиміи психическихъ явленій и спеціально въ бредовыхъ идеяхъ, это указываетъ на индивидуально-психологическое увяданіе. Поэтому всегда необходимо углубленіе не только психологическаго познанія, но и существеннаго терапевтическаго вмѣшательства, по крайней мѣрѣ, для воздѣйствія на наличную картину симптомовъ [1]).

Хроника.

— Редакція Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse, оффиціальнаго органа международн. психоаналитич. Союза, въ своемъ оповѣщеніи къ читателямъ слѣдующимъ образомъ опредѣлятъ свои задачи: Новый журналъ, къ изданію котораго приступаетъ S. Freud, вмѣсто Zentralblatt für Psychoanalyse, будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли, что и послѣдній во время редакторства Freud'a; онъ будетъ стремиться ввести начинающаго въ существо и практику психоанализа при помощи дидактическихъ статей; лицамъ уже свѣдущимъ предоставитъ возможность обмѣна другъ съ другомъ своимъ опытомъ и вообще будетъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію молодого еще знанія рефератами и рецензіями. Журналъ будетъ выходить шестью книжками въ годъ.

— Слѣдующій, пятый, выпускъ изданій Ферейна свободнаго психоаналитическаго изслѣдованія будетъ содержать работу Alfr. Adler'a: Homosexualität und Neurose.

— Ближайшій конгрессъ «Интернаціональнаго Союза медицинской психологіи и психотерапіи» соберется въ текущемъ году въ Вѣнѣ 19 сентября (н. с.).

— Какъ видно изъ отчета Психіатрической клиники Московскаго университета (1887—1912 г.) проф. Θ. Е. Рыбакова, при клиникѣ уже два года функціонируетъ психотерапевтическій кабинетъ, возникшій по иниціативѣ и руководимый д-ромъ И. Д. Ермаковымъ. Примѣняются методы Freud'a, Dubois и др.

---

[1])Докладъ д-ра v. Stauffenberg'a «Психотерапія во внутренней клиникѣ» будетъ напечатанъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала.

Докладъ L. Seif'a «Къ психопатологіи боязни» реферированъ мною въ обзорѣ журналовъ. Н. В.

Редакторъ-издатель Н. А. Вырубовъ.

Типографія Штаба Московскаго Военнаго Округа. Москва.

I годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** I годъ изданія

на

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ КОЖНЫМЪ И ВЕНЕРИЧЕСКИМЪ БОЛѢЗНЯМЪ.

„ДЕРМАТОЛОГІЯ“

на 1913 годъ.

Подъ редакціей прив.-доц. В.-М. Академіи В. В. ИВАНОВА.

Въ 1913 году Издательство «Практическая Медицина» приступаетъ къ изданію новаго журнала «Дерматологія». Появленіе такого ежемѣсячнаго органа, посвященнаго кожнымъ и венерическимъ заболѣваніямъ, является настоятельной необходимостью, съ одной стороны въ виду увеличенія числа врачей-спеціалистовъ и врачей, занимающихся въ силу условій жизни леченіемъ въ этой области, съ другой стороны въ виду того, что данная область медицины разрастается, обогащается новыми методами изслѣдованій и способами леченія. Въ основу новаго изданія поэтому и входитъ задача дать всякому, интересующемуся кожными и венерическими заболѣваніями и заболѣваніями пограничныхъ съ ними областей, органъ, при помощи котораго онъ могъ бы знакомиться своевременно со всѣми новыми научными открытіями въ этой области медицины и разобраться въ разныхъ методахъ леченія, діагностики и т. д. При изданіи новаго медицинскаго органа мы поэтому будемъ руководиться принципомъ создать журналъ не только для спеціалистовъ, но и для всѣхъ тѣхъ врачей, которые, какъ, напримѣръ, врачи земскіе и живущіе въ провинціи и принужденные практиковать по всѣмъ спеціальностямъ, интересуются современнымъ положеніемъ дерматологическихъ и венерическихъ вопросовъ и желаютъ быть постоянно въ курсѣ успѣховъ этой области медицины. Въ виду этого въ программу журнала, кромѣ оригинальныхъ статей и обзоровъ современнаго состоянія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, введенъ отдѣлъ «наблюденій изъ практики». Этотъ отдѣлъ дастъ возможность желающимъ, также и неспеціалистамъ, подѣлиться съ товарищами своимъ практическимъ опытомъ. Далѣе въ журналѣ будутъ реферироваться русскіе, нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и итальянскіе спеціальные журналы въ систематическомъ порядкѣ всѣхъ помѣщенныхъ въ нихъ статей; затѣмъ будутъ помѣщаться рефераты общихъ медицинскихъ журналовъ по отдѣламъ, отчеты о засѣданіяхъ русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ спеціальныхъ Обществъ, а также и съѣздовъ, рецензіи и библіографія, терапевтическія замѣтки и разныя извѣстія.

Естественно, что нами будетъ обращено подобающее вниманіе также и на внѣшность журнала. Статьи, обзоры и рефераты будутъ, по мѣрѣ необходимости, обильно снабжены рисунками; тамъ, гдѣ это требуется—хромо-литографическими таблицами. Помимо этого, журналъ будетъ издаваться на хорошей плотной бумагѣ.

Мы полагаемъ, что русскій медицинскій міръ съ сочувствіемъ встрѣтитъ появленіе этого новаго медицинскаго органа и отнесется къ нему съ вниманіемъ въ особенности потому, что онъ будетъ имѣть своимъ предметомъ вопросы, въ которыхъ широко заинтересованы практическіе врачи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Оригинальныя статьи. 2) Обзоры современнаго состоянія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ. 3) Наблюденія изъ практики. 4) Рефераты спеціальныхъ журналовъ въ систематическомъ порядкѣ помѣщенныхъ въ нихъ статей: 1) Русскій журн. кожн. и венер. болѣз. 2) Arch. f. Derm. & Syph. 3) Derm. Zeitschr. 4) Derm. Centbl. 5) Derm. Wochenschr. 6) Japan. Zeitschr. f. Derm. & Urol. 7) Lepra. 8) Ann. de Derm. & Syphil. 9) Ann. de mal. vénér. 10) Journ. d. mal. cut. et syphil. 11) The British. Journ. of Derm. 12) The Journ. of. cutan. dis. 13) American Journ. of. Derm. & gen. urin. dis. 14) Przegl. chorob. scornych i wenerych. 15) Giorn. Ital. d. malat. ven. e d. pelle. 5) Рефераты общихъ медицинскихъ журналовъ по отдѣламъ. 6) Отчеты о засѣданіяхъ русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ спеціальныхъ обществъ,

равно и съѣздовъ. (Русское Дерм. и Сиф. Общ.—Спб., Моск. вен. Общ., Дерматолог. и венер. Общ.—Харьковъ. Венер. Общ.—Одесса, Berliner Derm. Ges., Wiener Derm. Ges., Société franç. d. Derm. & Syph., The Royal society of Med. Dermat. Section.—London). 7) Рецензіи и библіографія. 8) Терапевтическія замѣтки. 9) Разныя извѣстія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно объемомъ отъ 5—7 листовъ.

Подписная цѣна 9 р. въ годъ, заграницу 12 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 руб., 1 іюля—3 руб., 1 октября—3 руб.

Издатель **Ѳ. В. Эттингеръ.**

Подписка принимается въ издательствѣ „Практическая Медицина“.

С.-Петербургъ, Выборг. стор., Б. Сампсоньевскій пр., № 61.

Одесса.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г.

(XXIV годъ изданія) на общедоступный медицинскій журналъ

„АКУШЕРКА“.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 3 руб. Подписка принимается: 1) Въ редакціи журнала „**Акушерка**“ въ Одессѣ. 2) Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 3) Во всѣхъ почтовыхъ конторахъ съ **наложеннымъ платежемъ** или **переводомъ**. Редакторъ-Издатель **П. М. Амброжевичъ.**

Экземпляры „**Акушерки**“ прежнихъ лѣтъ въ сброшюрованныхъ книгахъ продаются: 1890, 1892, 1893, 1897, 1898, 1899 гг. по **1 руб** за книгу. 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909 1910 1911 и 1912 для подписавшихся и ва 1913 г. по **2 руб.**, для прочихъ-же по **3 руб.**

Изд. съ 1904 г.

„Физикъ-Любитель“

общедоступный журналъ по физическимъ наукамъ и ихъ приложеніямъ въ школѣ, техникѣ и любительской практикѣ.

Постоянные отдѣлы журнала:

1. Наука и жизнь. 2. Старое и новое въ наукѣ. 3. Физика неба (астрономія). 4. Физика земли (геологія, метеорологія). 5. Физическія науки въ школѣ. 6. Приборы и опыты. 7. Химія любителя. 8. Любительская электротехника. 9. Фотографія, волш. фон., кинематогр. 10. Фонографъ и граммофонъ. 11. Движеніе по землѣ и водѣ (велосипедъ, автомобиль, лодка и пр.). 12. Воздухоплаваніе. 13. Изобрѣтенія и успѣхи техники. 14. Изъ любительской практики. 15. Домашняя мастерская. 16. Наука и забава. 17. Задачи и вопросы. 18. Новыя книги. 19. Письма въ редакцію. Запросы и отвѣты. 20. Объявленія. Подписной годъ академическій (съ августа по май, 20 нумеровъ въ годъ). Цѣна 3 рубля въ годъ. Наложеннымъ платежомъ на вышедшіе №№ 3 р. 20 к. Отзывы печати, подродробная программма, образцы рисунковъ, содержаніе за прошлые годы и каталоги изданій и діапозитивовъ высылаются безплатно по первому требованію. При конторѣ журнала: 1) Складъ изданій „Физика-Любителя“. 2) складъ діапозитивовъ для волшебнаго фонаря. Адресъ: Контора Физика-Любителя гор. Николаевъ.

Русскій Врачъ

—органъ, основанный въ память В. А. Манасеина. Подъ редакціей д-ра С. В. Владиславлева и проф. В. В. Подвысоцкаго.

ПРОГРАММА: 1) Статьи оригинальныя по всѣмъ отраслямъ теоретической и клинической медицины, а также общественной и частной гигіены; 2) Статьи по вопросамъ врачебнаго быта; 3) Письма изъ главнѣйшихъ З.-Европейскихъ культурныхъ центровъ по вопросамъ теоретической и практической медицины и о положеніи тамъ врачебнаго дѣла: 4) Рефераты о заграничныхъ и русскихъ работахъ по всѣмъ отраслямъ медицины и гигіены; 5) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и др. врачебныхъ Обществъ, о диспутахъ на ученыя врачебныя степени и корреспонденціи о событіяхъ, касающихся врачей; 6) Рецензіи и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ; 7) Письма въ редакцію, касающіяся вопросовъ врачебнаго быта; 8) Мелкія извѣстія, новости, слухи и т. д., касающіяся врачей; 9) Жизнеописанія и некрологи выдающихся лицъ на поприщѣ медицины; 10) Списокъ защищенныхъ диссертацій на русскихъ медицинскихъ факультетахъ; 11) Служебныя назначенія и перемѣщенія врачей по военному и гражданскому вѣдомствамъ; 12) Приложеніе: Краткое содержаніе текущей литературы за истекшіе недѣли и мѣсяцы. „Русскій Врачъ" выходитъ въ свѣтъ еженедѣльно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкою на годъ 10 р.

Рукописи статей и писемъ, предназначаемыхъ для печати и конфиденціальнаго свѣдѣнія редакціи, а также отдѣльные оттиски и книги просятъ присылать на имя одного изъ редакторовъ—д-ра С. В. Владиславлева (Петербургъ, Ивановская, 2) или проф. В. В. Подвысоцкаго (Петербургъ, Лопухинская, 12).

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ О. А. Риккеръ въ Петербургѣ (Невскій, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

на журналъ

МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Спримона, издаваемый Обществомъ Русскихъ врачей въ Москвѣ. Подъ редакціей д-ра мед. Е. И. Марциновскаго.

Съ 1913 года журналъ вступаетъ въ 40 годъ своего существованія, являясь однимъ изъ старѣйшихъ медицинскихъ періодическихъ изданій. Журналъ выходитъ книжками отъ 5 до 7 листовъ, дважды въ мѣсяцъ, за исключеніемъ іюня, іюля и августа, когда онъ выходитъ по одному разу.

Программа журнала: оригинальныя статьи, обзоры и рефераты по всѣмъ отраслямъ медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на клиническую медицину, рецензіи новыхъ книгъ, отчеты о съѣздахъ и засѣданіяхъ медицинскихъ обществъ, научныя новости и т. п. Съ 1907 года значительное мѣсто дается отдѣлу общественной медицины (земской, городской, фабричной), для чего, кромѣ оригинальныхъ статей, ведется общественно медицинская хроника.

Въ видѣ отдѣльныхъ приложеній печатаются подробные протоколы Общества Русскихъ Врачей.

Въ редакціи журнала принимаютъ участіе завѣдующіе отдѣлами преп. В. Ж. К. В. Е. Предтеченскій (внутреннія болѣзни), преподав. В. Ж. К. А. А. Кисель (дѣтскія болѣзни), проф. А. В. Мартыновъ (хирургія), док. мед. Е. И. Марцыновскій (бактеріологія), преподав. женск. медиц. курсовъ Д. Д. Плетневъ (экспериментальная медицина), докт. мед. Г. И. Россолимо (нервныя болѣзни и психіатрія), приватъ-доцентъ А. И. Абрикосовъ (патологическая анатомія), пр.-доц. М. А. Членовъ (кожныя болѣзни и венерическія), проф.

С. І. Чирвинскій (фармакологія), д-ръ А. И. Скибневскій (общественная медицина и гигіена), пр.-доц. В. В. Успенскій (акушерство и женскія болѣзни).

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Арбатъ, домъ Общества Русскихъ врачей, въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ Россіи. За перемѣну адреса уплачивается 50 к.

Цѣна за годъ 10 руб., за полгода 5 руб.

Плата за объявленія: впереди текста цѣлая страница 40 р., 1/2 страницы 24 р., 1/4 страницы 13 р.; сзади текста цѣлая страница 20 р., 1/2 страницы 12 р., 1/4 стран. 6 р. 50 к. за одинъ разъ. На обложкѣ журнала (на 2-й и 4-й страницѣ) 1 страница 60 руб., 1/2 стран. 35 р. и 1/4 страницы 20 р. за одинъ разъ. На цвѣтной бумагѣ среди текста: 1 страница 40 р., 1/2 стр. 25 р. и 1/4 стр. 15 р., за одинъ разъ.

Объявленія принимаются въ конторѣ журнала: Арбатъ, домъ Общества Русскихъ Врачей, отъ 10 до 3 часовъ дня: Телефонъ 250-45.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Вопросы научной медицины“,

журналъ, издаваемый въ Москвѣ подъ редакціей приватъ-доцента Московскаго Университета **А. И. АБРИКОСОВА и д-ра М. Б. ШАПИРО.**

Журналъ ставитъ своей задачей представлять въ главныхъ, основныхъ чертахъ непрерывное движеніе научной медицины. Имѣя въ виду эту цѣль, редакція будетъ заботиться о заполненіи отдѣла оригинальныхъ статей по преимуществу работами болѣе общаго, принципіальнаго характера. Изъ казуистическихъ статей будутъ помѣщаться лишь тѣ, которыя вносятъ что либо новое въ соотвѣтствующую область, придаютъ какому-нибудь вопросу новое освѣщеніе или же способствуютъ его разрѣшенію. Обычный отдѣлъ рефератовъ умышленно выпущенъ и, по мѣрѣ возможности, будетъ замѣняться статьями-обзорами, которыя оставляютъ гораздо болѣе замѣтный слѣдъ въ умѣ читателя чѣмъ длинный рядъ, хотя бы и удачно подобранныхъ но все же отрывочныхъ рефератовъ. Составленіе обзоровъ будетъ поручаться по преимуществу лицамъ спеціально работающимъ въ соотвѣтствующей области. Отдѣлъ хроники будетъ раздѣленъ на 2 части—научную и бытовую; въ первой изъ нихъ будутъ своевременно отмѣчаться наиболѣе важныя событія въ научной медицинѣ.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, выпусками въ 6 листовъ.

Программа журнала: 1) Оригинальныя статьи (сюда же входятъ и статьи-обзоры) 2) Корреспонденціи и отчеты. 3) Рецензіи книгъ. 4) Хроника.

Авторы оригинальныхъ статей, отчетовъ и рецензій получаютъ по 30 рублей за печатный листъ. Клише рисунковъ, принятыхъ для помѣщенія въ статьѣ, изготовляются за счетъ автора.

Первая книга журнала (за январь 1913 г.) выйдетъ **въ ноябрѣ 1912 г.**

Подписная цѣна на годъ **10** р., за границу—**12** р. Допускается разсрочка по полугодіямъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:
Москва, Арбатъ, 12, кв. 3. Телефонъ № 156-63.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 Г.

на „Харьковскій Медицинскій Журналъ“

ОРГАНЪ ХАРЬКОВСКАГО МЕДИЦИНСКАГО ОБЩЕСТВА

(8-й годъ изданія).

Подъ редакціей проф. **К. Н. Георгіевскаго,** проф. **С. В. Коршуна,** проф. **Н. Ф. Мельникова-Разведенкова,** д-ра мед. **В. И. Недригайлова** и д-ра **М. М. Трофимова.**

Журналъ служитъ печатнымъ органомъ для врачей, интересующихся современными біологическими вопросами въ медицинѣ, и помѣщаетъ на своихъ

страницахъ оригинальныя статьи, систематическіе рефераты и обзоры какъ по практической, такъ и по теоретической медицинѣ, знакомя читателей съ общимъ прогрессомъ медицинскихъ знаній. Журналъ отводитъ мѣсто также интересамъ общественной медицины. Особенное вниманіе обращается на лучшее воспроизведеніе рисунковъ посредствомъ фотографіи, хромолитографіи и цинкографіи. Мѣстная научная жизнь представлена въ журналѣ отчетами о научныхъ докладахъ и объ изданіяхъ въ Харьковѣ.

Соотвѣтственно этому въ журналѣ помѣщаются: 1) Оригинальныя статьи научнаго и практическаго содержанія. 2) Мелкія сообщенія, представляющія научный и практическій интересъ. 3) Критическіе обзоры и систематическіе рефераты работъ по вопросамъ, возбуждающимъ въ данный моментъ наибольшій интересъ. 4) Рецензіи и библіографія. 5) Корреспонденціи. 6) Дѣятельность русскихъ медицинскихъ обществъ и другихъ медицинскихъ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учежденій. 7) Некрологи. 8) Хроника и мелкія извѣстія по преимуществу изъ мѣстной жизни: изъ Харьковскаго университета, изъ городскихъ и земскихъ больницъ и т. д. 9) Приложенія: протоколы Харьковскаго Медицинскаго Общества, научные сборники и проч. 10) Объявленія.

Статьи иллюстрируются рисунками, діаграмами и т. п.

Журналъ выходитъ книжками не менѣе 5 печатныхъ листовъ каждая разъ въ мѣсяцъ, лѣтомъ же (май—сентябрь) разъ въ два мѣсяца.

Гонораръ сотрудникамъ 25 руб. за печатный листъ.

Рисунки, таблицы и т. п. за счетъ автора. Стоимость ихъ можетъ быть удержана изъ гонорара. Редакція оставляетъ за собой право въ принятыхъ работахъ производить въ случаѣ надобности нѣкоторыя исправленія и сокращенія

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою 6 руб.

Цѣна за объявленія: цѣлая страница 15 руб., $^1/_2$ страницы—8 руб. $^1/_4$ страницы—4 руб., $^1/_8$ страницы—2 руб. За 3 раза уступка 10%, за 6 разъ 15%, за 10 разъ 20%.

О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ сдѣлано въ ближайшемъ № журнала безплатное заявленіе или отзывъ.

Подписка принимается въ конторѣ Харьковскаго Медицинскаго Общества:

Харьковъ, Пушкинская, собств. д. Телефонъ № 535.

2-й годъ изданія. **Открыта подписка** 2-й годъ изданія.

на 1913 годъ

на ежемѣсячный журналъ

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“

съ приложеніемъ „Ежегодный Обзоръ Русской Литературы по Психіатріи и Неврологіи“.

Редакціонный Комитетъ: (**Психіатрія**) *М. Ю. Лахтинъ, В. И. Семидаловъ, С. А. Сухановъ.* (**Неврология**) *А. М. Гринштейнъ, В. Э. Дзержинскій, М. А. Захарченко, Н. Н. Якунинъ.*

Ближайшіе сотрудники: Д. Е. Абесаломовъ, Х. М. Асвадуровъ, Л. М. Астауровъ, Л. И. Айхенвальдъ (Уфа), А. М. Виршубскій (Вильна), В. А. Вышеславцева, А. О. Гейманович (Харьковъ), А. А. Говсѣевъ (Кіевъ), М. С. Доброхотовъ (Полтава), Ѳ. М. Думашевъ, П. А. Иванцова, А. Б. Іозефовичъ (Харьковъ), Г. И. Іосифовъ, В. В. Купріевичъ, Я. С. Капнельсонъ (Смоленскъ), С. Д. Карапетовъ, И. И. Карпачевъ, А. М. Кожевниковъ, Е. А. Копыстынскій (Тверь), С. А. Лясссъ, В. І. Лазаревъ (Кіевъ), О. Н. Меликянцъ, М. П. Медвѣдковъ (Саратовъ), Н. Е. Осокинъ (Саратовъ), А. И. Прусенко, А. І. Свирскій, Н. И. Скляръ (Тамбовъ), Е. Я. Снисаренко (Тверь), Д. А. Смирновъ, А. А. Суховъ, Н. Г. Тарановичъ, С. П. Чернышевъ, Л. И. Файнбергъ, А. А. Эйтвидъ, А. А. Юдинъ.

Редакторъ *М. Ю. Лахтинъ.*

«Вопросы психіатріи и неврологіи» ставятъ себѣ задачу путемъ систематическаго подбора рефератовъ и рецензій по возможности полно отражать на своихъ страницахъ современную неврологическую и психіатрическую литературу, а также литературу смежныхъ областей медицины и естествознанія.

Помимо отдѣльныхъ рефератовъ и рецензій въ журналѣ будутъ помѣщаться обзоры литературы по тому или другому вопросу современности.

Наконецъ, каждый номеръ будетъ содержать также и оригинальныя статьи по психіатріи и неврологіи.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ 3-хъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна 8 р. въ годъ. АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ

МОСКВА, Красносельская ул., близъ Елоховской площади, домъ № 65.

Телефонъ 108-61.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ 1913 Г.

ПОПУЛЯРНЫЙ

„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ“

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Учебнымъ отдѣломъ Министерства Торговли и промышленности рекомендованъ для Фундаментальныхъ библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Къ „Литературно-Медицинскому Журналу“ прилагается безплатно

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Домашній докторъ

подъ редакціей д-ра Б. А. ОКСА.

Болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей.

Въ 1913 году въ „Литературно-Медицинскомъ Журналѣ“ будутъ напечатаны:

I. Научный отдѣлъ: Д-ръ мед. Л. Левенфельдъ. «Бракъ и счастье». Наблюденія, размышленія и совѣты врача. Сокращенный перев. съ 3-го нѣмецкаго изданія Б. А. Винницкой, подъ редакціей д-ра Е. А. Аркинн, автора «Физіологіи человѣкъ».—Д-ръ мед. К. Тэнигесъ. «Преждевременная старость». Мѣры и средства для продленія жизни.—Проф. А. Гиллеръ. „Комната гимнастика безъ приборовъ“. Съ 40 рисун.—Профессора Краузъ и Т. Бругшъ. „Техника питательной терапіи“ (пер. съ нѣм.).—Проф. А. Бляшко и д-ръ мед. М. Якобзонъ. „Терапія кожныхъ и венерическихъ болѣзней“. Перев. съ послѣдняго нѣм. изданія.—Д-ръ мед. Фрицъ Кохъ. „Уменьшеніе носовъ и другіе методы носовой пластики“. Съ рисунк.—„Серотерапія и вакцинація“ (перев. съ франц.).—Д-ръ и аптекарь П. Флейсигъ. Съ предисловіемъ проф. Р. Штахелина. „Ученіе о лѣкарствахъ“ (пер. съ нѣм.).

II. Литературный отдѣлъ: Д-ръ Э. Неезе (Кіевъ). „Особенности историческихъ лицъ съ медицинской точки зрѣнія“.—Борисъ Фромметтъ. „Безуміе въ жизни и творчествѣ Гюи до Мопассона.—М. Цитронъ: 1) „Тишь и гладь“. 2) „Капли“ и 3) „Эпидемическій ящикъ“.—М. Росляковъ. „Грѣхъ“.—Вадимъ Старковъ: 1) „Бываетъ“. 2) „На скромномъ посту“.—В. Брусянинъ. „Литературное обозрѣніе“; разборъ новыхъ книгъ и произведеній, соприкасающихся съ медициной и появляющихся въ текущей журнальной литературѣ.

III. Библіографія.

IV. Двѣнадцать №-ровъ журналъ „Домашній Докторъ“ съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Цѣна „Литературно-Медицинскаго Журнала“ четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за 3 мѣсяца съ перес.

Подписка на „Литературно-Медицинскій Журналъ“ принимаетъ во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи, безъ всякой надбавки

подписной цѣны, а также въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Офицерская, 26). Желающіе воспользоваться разсрочкой обращаются исключительно въ контору журнала. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку своихъ изданій при подпискѣ чрезъ контору редакціи, а также чрезъ всѣ почтово-телеграфныя учрежденія въ Россіи.

С.-Петербургъ, Офицерская, 26. Редакторъ-издатель д-р. Б. А. ОКСЪ.

Открыта подписка на 1913-й годъ

на еженедѣльный журналъ

ФЕЛЬДШЕРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Органъ Союза обществъ помощниковъ врачей.

„Фельдшерскій Вѣстникъ“ выходитъ 4 раза въ мѣсяцъ (48 №№ въ годъ). Каждый нумеръ журнала заключаетъ въ себѣ два отдѣла: научный и бытовой. Въ первомъ помѣщаются оригинальные и переводные статьи и рефераты по всѣмъ отдѣламъ медицины, а также дается мѣсто сообщеніямъ фельдшеровъ изъ ихъ практики. Въ видѣ особаго подотдѣла выдѣлено акушерство и женскія болѣзни. Въ предстоящемъ году вводится новый отдѣлъ рефератовъ—по фармаціи. Въ бытовомъ отдѣлѣ освѣщаются всѣ стороны условій дѣятельности и быта фельдшерско-акушерскаго персонала, съ обращеніемъ особаго вниманія на жизнь фельдшеровъ на мѣстахъ, чему способствуютъ многочисленные корреспонденты журнала, въ лицѣ фельдшерско-акушерскихъ обществъ и отдѣльныхъ товарищей; освѣщаются вопросы общественной медицины, объ измѣненіи улучшеніи правового и матеріальнаго положенія фельдшеровъ, вопросы объ обезпеченіи старости и инвалидности ф-ровъ, о надлежащей постановкѣ фельдшерскаго образованія и проч.

Кромѣ статей, помѣщаемыхъ въ каждомъ нумерѣ на различныя темы, въ „Фельдшерскомъ Вѣстникѣ“ ведутся постоянные отдѣлы:

Лѣтопись общественнной медицины (обзоръ постановленій земскихъ собраній, врачебныхъ съѣздовъ, санитарныхъ совѣтовъ).

Фельетонъ (отклики на злобы дня).

Фельдшерскіе съѣзды (отчеты объ уѣздныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ фельдшеровъ).

Отчеты нашихъ обществъ (обзоры дѣятельности фельдшерскихъ обществъ).

Рецензіи и библіографія (отзывы о новыхъ книгахъ).

Письма въ редакцію.

Хроника Союза и мѣстныхъ обществъ помощниковъ врачей.

Намъ пишутъ (корреспонденціи съ мѣстъ).

Разныя извѣстія.

Некрологи и

Справочный отдѣлъ и отвѣты редакціи на вопросы подписчиковъ.

Въ 1913 году всѣ подписчики „Фельдшерскаго Вѣстника“, уплатившіе подписную плату за весь годъ (4 руб.), получатъ безплатное приложеніе

Фельдшерско-акушерскій Календарь на 1913 годъ.

Карманная книжка, въ коленкоровомъ переплетѣ, около 10 печ. листовъ (300—320 страницъ).

Календарь составленъ подъ общей редакціей д-ра А. В. Бекетова и П. А. Калинина.

Въ составленіи календаря приняли участіе: д-ръ А. В. Бекетовъ, д-ръ Д. Л. Готлибъ, д-ръ П. Ф. Жегалкинъ, ф-ръ П. А. Калининъ, д-ръ П. И. Кедровъ, В. А. Кильчевскій, (ред. «Коопер. Жизнь»), ф-ръ Н. И. Поповъ и др.

Подписная цѣна: на „Фельдшерскій Вѣстникъ“ 4 рубля въ годъ съ пересылкой. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 іюля 2 руб. На другіе сроки, а также съ наложеннымъ платежомъ подписка не принимается.

„Фельдшерско-акушерскій Календарь“ разошлется только лицамъ, уплатившимъ полную годовую плату. Лица, пользующіяся разсрочкой, получатъ Календарь только по уплатѣ за второе полугодіе, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Лица и учрежденія, подписавшіяся на 10 годовыхъ экземпляровъ журнала, 11-й экзем. получаютъ безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Москва, Штатный пер., д. № 7, кв. 2), въ совѣтахъ фельдшерскихъ обществъ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи.

Издатель—Правленіе Союза о-въ помощниковъ врачей.

Редакторъ П. А. Калининъ.

Открыта подписка на 1913-й годъ

(2-й годъ изданія)

на ежемѣсячный популярный естественно-историческій съ иллюстраціями въ текстѣ

журналъ для самообразованія

„ПРИРОДА“

подъ редакціей проф. В. А. ВАГНЕРА (Спб.), проф. Л. В. ПИСАРЖЕВСКАГО (Спб.) и препод. в. ж. к. Л. А. ТАРАСЕВИЧА (Москва).

Содержаніе:

Философія естествознанія. Астрономія. Физика. Химія. Геологія съ палеонтологіей. Минералогія. Общая біологія. Зоологія. Ботаника. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Проф. С. В. Аверинцевъ, В. Агафоновъ, проф. Н. И. Андрусовъ, проф. В. М. Арнольди, лаб. Г. Ф. Арнольдъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. И. И. Боргманъ, проф. П. И. Бахметьевъ (София), А. Н. Бахъ (Женева), прив.-доц. А. И. Бачинскій, докт. геогр. Л. С. Бергъ, астр. С. И. Блажко, прив.-доц. В. А. Бородовскій, П. А. Бѣльскій, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, акад. проф. П. И. Вальденъ, проф. Б. Ф. Веригo, акад. проф. В. И. Вернадскій, лаб. В. Н. Верховскій, проф. Г. В. Вульфъ, М. И. Гольдсмитъ (Парижъ), проф. А. Г. Гурвичъ, проф. В. Я. Даниловскій, д-ръ П. Н. Діатроптовъ, проф. А. С. Догель, В. А. Дубянскій Е. А. Елачичъ, проф. В. В. Завьяловъ, проф. В. Р. Заленскій, проф. А. А. Ивановъ, проф. В. Н. Ипатьевъ, лаб. П. В. Казанецкій, проф. А. В. Клоссовскій, проф. Н. К. Кольцовъ, преп. Инж. уч. Т. П. Кравецъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. Н. В. Култашевъ, проф. Н. С. Курнаковъ, проф. П. П. Лазаревъ, прив.-доц. М. Ю. Лахтинъ, Н. Н. Лебеденко, лабор. Г. А. Левитскій, І. Д. Лукашевичъ, д-ръ Е. И. Марциновскій, проф. А. К. Медвѣдевъ, проф. М. А. Мензбиръ, проф. П. Г. Меликовъ, проф. С. И. Метальниковъ, Н. А. Морововъ, проф. Г. Морозовъ, прив.доц. А. В. Немиловъ, проф. А. В. Нечаевъ, проф. А. М. Никольскій, докт. зоол. М. М. Новиковъ, лаб. А. Г. Огородниковъ, В. Л. Омелянскій, проф. А. В. Павловъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. В. В. Подвысоцкій, проф. К. Д. Покровскій, Б. Е. Райковъ, А. А. Рихтеръ, А. Рождественскій (Лондонъ), Н. А. Рубакинъ, проф. Д. П. Рузскій, Я. В. Самойловъ, проф. А. В. Сапожниковъ, Ю. Ф. Семеновъ, Л. Д. Синицкій, асс. по каф. физ. геогр. С. А. Совѣтовъ, препод. С. И. Созоновъ лаб. Н. Н. Соковнинъ, проф. А. Н. Сѣверцевъ, проф. С. М. Танатаръ, д-ръ Л. А. Тарасаевичъ, маг. хим. А. А. Титовъ, астрономъ Пулк. обсер. Г. А Тиховъ, проф. М. М. Тихвинскій, проф. В. Е. Тищенко, проф. Н. А. Умовъ, прив.-доц. А. Е. Ферсманъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, преп. А. А. Черновъ, проф. Л. А. Чугаевъ, А. Н. Чураковъ, прив.-доц. В. В. Шипчинскій, пр.-доц. П. Ю. Шмидтъ, проф. Е. А. Шульцъ, д-ръ С. М. Щастный, проф. А. Н. Щукаревъ, прив.-доц. А. И. Ющенко, преп. А. Н. Яницкій, проф. А. И. Ярошкій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: цѣна въ годъ (съ доставкой и пересылкой)—5 руб. на ½ г. 3 руб., на три мѣсяца—1 руб. 50 коп., за границу на годъ—7 руб. Допускается разсрочка: 3 руб. при подпискѣ и 2 руб. не позже 1 мая.

Подписка на ½ года, 3 мѣсяца и въ разсрочку принимается только въ главной конторѣ (Москва, Мясницкая, Гусятниковъ пер., 11).

Объявленія печатаются въ журналѣ по слѣдующей цѣнѣ: на обложкѣ: 4-я стр.—100 р., ½ стр.—60 р., ¼ стр.—35 р.; 2-я и 3-я стр.—75 р., ½ стр.—40 р., ¼ стр.—25 р.; послѣ текста: стр.—60 р., ½ стр.—35 р., ¼ стр.—20 р.

Принимается подписка: въ конторѣ журнала „Природа“ (Москва), во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, земскихъ складахъ и почтовыхъ отдѣленіяхъ.

Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Мясницкая, Гусятниковъ пер., 11. Телефонъ № 4—10—81.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ.

Ежемѣсячный журналъ

Естественно-историческая

БИБЛІОТЕКА-ПРИРОДА

подъ редак. проф. **Л. В. Писаржевскаго**. При ближайшемъ участіи сотрудниковъ журнала „Природа“.

За годъ подписчикамъ будетъ дано 12 книгъ (объемомъ свыше 1200 страницъ обычнаго книжнаго формата), посвященныхъ отдѣльнымъ наиболѣе интереснымъ вопросамъ естествознанія. „Библіотека Природа“ ставитъ своей задачей популярное изложеніе въ болѣе глубокой и расширенной формѣ тѣхъ естественно-историческихъ вопросовъ, которые разсматриваются въ обычныхъ журнальныхъ статьяхъ лишь въ общихъ чертахъ.

Подписная плата (съ доставкой и пересылкой): **за годъ—4 р. ½ г.—2 р. 40 к.; 3 мѣс.—1 р. 20 к.; за границу годъ—6 руб.**

Допускается разсрочка: 2 р. 50 к. при подпискѣ и 1 р. 50 к. не позже 1 мая.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Популярная библіотека для самообразованія

Основныя начала естествознанія

подъ редак. проф. **Л. В. Писаржевскаго**. При ближайшемъ участіи сотрудниковъ журнала „Природа“.

Библіотека „Основныя начала естествознанія“ предназначается для лицъ, не получившихъ систематическихъ естественно-историческихъ знаній и желающихъ пополнить этотъ пробѣлъ самообразованіемъ. Въ 1913 году всѣ 12 книгъ библіотеки (свыше 1200 страницъ обычнаго книжнаго формата) будутъ посвящены популярному изложенію основъ наиболѣе важныхъ отдѣловъ естествознанія.

Подписная плата (съ доставкой и пересылкой): **за годъ—4 р.; ½ г.—2 р. 40 к.; 3 мѣс.—1 р. 20 к.; за границу—6 р.**

Допускается разсрочка: 2 р. 50 к. при подпискѣ и 1 р. 50 к. не позже 1 мая.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Природа“, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, земскихъ складахъ и почтовыхъ отдѣленіяхъ.

Подписка на ½ года, 3 мѣсяца и въ разсрочку принимается исключительно главной конторой (Москва, Мясницкая, Гусятниковъ пер., 11).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ.

(Годъ изданія шестой) на

Сибирскую Врачебную Газету,

издающуюся въ г. Иркутскѣ подъ редакціей **П. И. Федорова.**

Сибирская Врачебная Газета, будучи **единственнымъ** для всей Сибири врачебнымъ органомъ, ставитъ первою и основною своею задачею разработку вопросовъ врачебнаго дѣла въ Сибири. Вопросы городской, сельской, переселенческой, желѣзнодорожной медицины въ обширномъ краѣ находятъ на ея страницахъ посильное освѣщеніе. Дѣятельности сибирскихъ врачебныхъ обществъ отведенъ спеціальный отдѣлъ, точно также какъ и единственному разсаднику высшаго медицинскаго образованія въ Сибири. Томскому университету газета удѣляетъ не мало вниманія, отмѣчая все наиболѣе важное въ его жизни.

Научный отдѣлъ газеты, въ которомъ видное участіе принимаютъ научныя силы Томскаго университета и многіе врачи изъ другихъ сибирскихъ городовъ, посвящается всѣмъ отраслямъ теоретической и практической медицины.

Въ наступающемъ 1913 г. редакція будетъ стремиться **къ постепенному увеличенію объема газеты** при оставленіи той же подписной платы.

Подписная плата—7 р. въ годъ. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Адресъ редакціи: Иркутскъ, Большая, 73.

Вѣстникъ Офталмологіи

выходитъ въ 1913 году ежемѣсячно книжками въ 4—5 и болѣе листовъ по слѣдующей программѣ:

1) Самостоятельныя статьи. 2) Рефераты работъ по офталмологіи. 3) Отчеты Офталмологическихъ Обществъ. 4) Русская офталмологическая библіографія. 5) Офталмологическая хроника.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА девять руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Подписка принимается въ редакціи (Москва, Тверская, 63) и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ, по возможности, обращаться съ подпиской непосредственно въ редакцію.

За перемѣну адреса уплачивается 30 коп. (можно почтовыми марками), безъ высылки которыхъ редакція не отвѣчаетъ за недоставленные номера.

Имѣющіеся въ редакціи экземпляры „Вѣстника Офталмологіи“ за 1904—1908 года продаются по шести рублей за экземпляръ съ пересылкой, а за 1909 и слѣд. гг. по девяти рублей.

ЦѢНА за ОБЪЯВЛЕНІЯ: цѣлая страница 15 руб., ½ страницы и менѣе 8 руб. за одинъ разъ. Разсылка приложеній вѣсомъ 1 лотъ—10 руб., вѣсомъ въ два лота—15 руб.

Авторы получаютъ 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи. Редакція оставляетъ за собой право, въ случаѣ надобности, производить сокращенія и измѣненія въ присылаемыхъ статьяхъ. Рисунки и таблицы изготовляются за счетъ авторовъ статей.

О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, помѣщается безплатно объявленіе и, по возможности, отзывъ.

Всю переписку по дѣламъ журнала (статьи для напечатанія, обмѣнныя изданія, объявленія и т. п.) просятъ направлять въ редакцію на имя проф. С. С. ГОЛОВИНА. (Москва, Тверская, 63).